Г 16
Г 61

F 16/61

Н 16/61

ПАМЯТИ

ГРАФА СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА.

Fe 16
61

ПАМЯТИ

ГРАФА СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА,

ПРЕЗИДЕНТА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ
29 Декабря 1855 года

ординарнымъ академикомъ

П. А. Плетневымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

Отдѣльные оттиски изъ II-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Декабрь, 1855 г.

Непремѣнный Секретарь
Академикъ *А. Миддендорфъ.*

2007043286

ПАМЯТИ
ГРАФА СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА.

I.

28 Января 1818 года въ собраніи Императорской Академіи наукъ присутствовали Академики: Озерецковскій, Фусъ (Николай), Шубертъ, Севергинъ, Захаровъ, Загорскій, Севастьяновъ, Вишневскій, Шереръ, Кругъ, Петровъ, Френъ, Германъ, Шлегельмильхъ и Колинсъ. Въ это собраніе ученыхъ, столь извѣстныхъ свѣту сочиненіями, прибылъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, прекрасной наружности, съ явными привычками къ высшему свѣтскому обществу. Для него приготовлено было посреди Академиковъ почетное мѣсто, которое занялъ онъ безъ притворной застѣнчивости, съ сознаніемъ своихъ правъ и нѣкотораго достоинства. Обращаясь къ собранію, онъ открылъ засѣданіе одушевленною рѣчью, въ которой прежде всего изобразилъ, какъ ему лестно быть Президентомъ въ Академіи, съ давнихъ поръ пользующейся заслуженною славою. Онъ просилъ Академиковъ вѣрить всегдашней его готовности содѣйствовать похвальной ревности каждаго изъ нихъ въ обработываніи его науки. Онъ присовокупилъ, что, въ свою очередь, ожидаетъ отъ Членовъ Академіи совершенной преданности дѣйствительнымъ ея выгодамъ, то есть, усиленію ея дѣятельности и поддержанію славы ея. «Мы мо-

РЕКА * БИБЛІОТЕКА М.П.М.

жемъ надѣяться», сказалъ онъ въ заключеніе, «что, подъ десницею Августѣйшаго Покровителя наукъ, Академія удержитъ во всей полнотѣ права свои на уваженіе ученаго свѣта и на признательность отечества. Для достиженія сей высокой цѣли мы должны соединиться въ одну волю и вмѣстѣ побѣдить всѣ препятствія твердостію, единодушіемъ и взаимною довѣренностію.»

Академикъ Фусъ, въ качествѣ Непремѣннаго Секретаря, изложилъ предъ новымъ Президентомъ, какъ давно Академія чувствовала необходимость въ непосредственномъ Начальникѣ, котораго постоянное участіе въ трудахъ Академиковъ можетъ оживить ихъ дѣятельность. Онъ указалъ между тѣмъ на послѣдніе восемь томовъ изданій Академіи, какъ на свидѣтельство, что полезные и достойные всеобщаго вниманія труды ея не прекращались. Успѣхи наши, прибавилъ онъ, теперь будутъ значительнѣе и быстрѣе, потому что Государю Императору угодно было посреди насъ указать мѣсто Начальнику, который любитъ науки, самъ занимается ими, постигаетъ цѣль и важность Общества, учрежденнаго для совершенствованія ихъ соединенными усиліями ученыхъ людей, и который будетъ умѣть цѣнить труды Академиковъ. «Да свершатся надежды наши во всей ихъ обширности!» заключилъ онъ. «Прежняя слава да возсіяетъ надъ Академіею при содѣйствіи Начальника, котораго ревность къ успѣхамъ всѣхъ полезныхъ знаній, собственное въ нихъ участіе и цвѣтущее состояніе учрежденій ввѣреннаго ему Учебнаго Округа обѣщаютъ высшему ученому учрежденію Имперіи будущность счастливую и положеніе достойное цѣли его основанія.»

Какъ ни кратки, какъ ни просты были объясненія съ обѣихъ сторонъ, нельзя однако же не чувствовать, въ какой мѣрѣ каждая изъ нихъ говорила чистосердечно, съ искренностію и взаимною довѣренностію. Можно сказать, что двѣ стороны ученаго Общества заключили между собою дружескій, неизмѣнный союзъ, вполнѣ чувствуя выгоды новаго своего положенія. По особенному счастію, суждено было, чтобы этотъ союзъ долѣе тридцати семи лѣтъ оставался неизмѣннымъ въ первой силѣ и крѣпости. Тотъ, кто, въ первомъ свиданіи, найденныхъ имъ сотрудниковъ пригласилъ «соединиться въ

одну волю и вмѣстѣ побѣдить всѣ препятствія твердостію, единодушіемъ и взаимною довѣренностію», тотъ не переставалъ дѣйствовать по точному смыслу собственныхъ словъ. Разставаясь поочередно съ ними, когда приходилось кому изъ нихъ оканчивать земное поприще, онъ переносилъ свои надежды на другихъ избранныхъ, и наконецъ, наполнивъ храмину долголѣтняго служенія своего поколѣніемъ новымъ, послѣдній отошелъ самъ къ первымъ своимъ товарищамъ.

Въ такомъ очертаніи представляется уму длинный рядъ усилій, трудовъ и успѣховъ, которые образуютъ исторію дѣятельности утраченнаго нынѣ Академіею наукъ Президента ея Графа Сергія Семеновича Уварова.

II.

Высочайшій Указъ о назначеніи его Президентомъ состоялся въ Москвѣ 12 Января 1818 года. Графъ С. С. Уваровъ въ то время былъ Попечителемъ Санктпетербургскаго Учебнаго округа, призванный въ эту должность 31-го Декабря 1810 года, 24-хъ лѣтъ отъ роду. Права его на столь быстрое возвышеніе пріобрѣтены имъ ранними и блестящими успѣхами въ ученомъ свѣтѣ. Министерство просвѣщенія и Академія знали имя писателя, вступающаго въ сферу ихъ дѣятельности, и не безъ основанія ожидали отъ него распоряженій полезныхъ и достойныхъ его назначенія.

Графъ С. С. Уваровъ родился въ Санктпетербургѣ 25 Августа 1786 года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ, куда для наблюденія за ученіемъ его приглашенъ былъ аббатъ Мангенъ. Особенныя способности къ изученію языковъ приготовили ему средства къ пріобрѣтенію разнородныхъ знаній. Къ бо́льшему счастію, молодой человѣкъ рано постигать началъ высокую цѣну сокровищъ умственныхъ и сталъ постоянно предпочитать ихъ другимъ выгодамъ положенія въ свѣтѣ. Исторія въ обширномъ смыслѣ, и особенно исторія образованнѣйшихъ древнихъ народовъ, нашла въ немъ самаго ревностнаго своего поклонника. Языкъ, словесность, гражданственность, политика, обряды религіозные, древности,

всѣ памятники и самые слѣды бытія просвѣщенныхъ народовъ входили въ кругъ его ранняго изученія исторіи.

Естественно, что при такомъ направленіи ума онъ долженъ былъ привязаться къ древнимъ классическимъ языкамъ, и Филологія сдѣлалась однимъ изъ постоянныхъ предметовъ его ученыхъ занятій. Знаніе новѣйшихъ Европейскихъ языковъ досталось ему легче, потому что пришло съ навыкомъ говорить на нихъ съ дѣтства. Послѣднее обстоятельство послужило для него средствомъ пользоваться въ сочиненіяхъ его, по усмотрѣнію, тѣмъ или другимъ языкомъ, который былъ удобнѣе и обработаннѣе для исполненія труда, имъ предпринимаемаго. Отъ того въ послѣдствіи времени являлись изъ-подъ пера его сочиненія то на Русскомъ языкѣ, то на Французскомъ, то на Нѣмецкомъ. Гёте, по этому случаю, сказалъ о немъ: «Подобно художнику въ области гармоніи, онъ играетъ на различныхъ инструментахъ, смотря по тому, какой лучше выражаетъ его мысли и чувствованія.»

Первое служебное поприще его было дипломатическое. 21 Іюня 1806 года, изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда онъ поступилъ въ половинѣ 1801 года, отправили его къ посольству нашему въ Вѣну. Тамъ онъ скоро замѣченъ былъ Принцемъ де Линемъ, остроумнѣйшимъ человѣкомъ XVIII-го столѣтія, еще не безъ блеска ума доживавшимъ свой вѣкъ при Вѣнскомъ Дворѣ. Графъ С. С. Уваровъ любилъ воспоминанія этой эпохи, и въ послѣдствіи времени издалъ ихъ свѣту въ той прелести, которую истинное дарованіе всегда умѣетъ заимствовать отъ самого предмета, имъ изображаемаго. «Я не могъ безъ увлеченія, говоритъ онъ, смотрѣть на человѣка, котораго имя находилось на каждой страницѣ XVIII-го вѣка между именъ Вольтера, Лудовика XV, Екатерины, Фридриха Великаго и Императора Іосифа.» Въ концѣ 1809 года онъ былъ опредѣленъ въ Секретари посольства нашего въ Парижѣ. Здѣсь непосредственныя сношенія съ Членами Института и другими учеными и писателями вызвали его на самостоятельный трудъ, который въ 1810 году явился въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Essai d'une Académie Asiatique.» Первоначальная мысль этого сочиненія вѣроятно возникнула въ слѣдствіе

ближайшаго знакомства автора съ распространившимися по Европѣ изслѣдованіями Восточныхъ литературъ изъ Англіи, Франціи и Германіи; но онъ умѣлъ положить для этой мысли болѣе обширное и болѣе прочное основаніе, на которомъ наше Правительство до сихъ поръ не перестаетъ воздвигать новыя зданія. «Сопредѣльная съ Азіею Россія, говоритъ авторъ, обладательница всей ея сѣверной части, не можетъ не чувствовать одинаковаго нравственнаго побужденія съ прочими народами въ ихъ благородныхъ предпріятіяхъ; но у нея есть побужденіе особенное, политическое, которое, при одномъ взглядѣ на географическую карту, становится понятнымъ и несомнѣннымъ. Россія, такъ сказать, опирается на Азію. Сухопутная граница неизмѣримаго протяженія приводитъ ее въ соприкосновеніе почти со всѣми народами Востока, и ей легко не только способствовать распространенію всеобщаго просвѣщенія, но и достигать собственныхъ важнѣйшихъ выгодъ, такъ, что никогда еще политическія побужденія не являлись въ такомъ согласіи съ обширными видами нравственной образованности.»

Едва вышло изъ печати это сочиненіе, какъ авторъ получилъ на него любопытныя замѣчанія, исполненныя ученыхъ указаній, жаркихъ возраженій, искреннихъ похвалъ, веселыхъ шутокъ и дружескихъ привѣтствій. Ими онъ былъ обязанъ строгому и свѣтлому уму Графа Жозефа де Местра, который, въ неумолимой ревности къ своимъ нравственно-философическимъ идеямъ, на все смотрѣлъ то съ предубѣжденіемъ, то съ увлеченіемъ. Молодой изыскатель новыхъ источниковъ просвѣщенія не былъ остановленъ этимъ щекотливымъ привѣтствіемъ знаменитаго писателя, и послѣ соединилъ его посланіе съ юношескимъ своимъ опытомъ въ одномъ изданіи. Между тѣмъ, почти въ то же самое время, Королевское Гёттингенское общество наукъ избрало его въ число своихъ Членовъ. Чтобы выразить признательность свою за оказанную честь, Графъ С. С. Уваровъ, въ 1812 году, издалъ на Французскомъ же языкѣ новое сочиненіе «Объ Элевзинскихъ Таинствахъ», посвятивъ его Обществу. Много новыхъ соображеній представилъ онъ о предметѣ, который не сдѣлался яснѣе отъ долговременныхъ разысканій самыхъ ученыхъ людей. Въ числѣ причинъ,

вызвавшихъ автора на новое изслѣдованіе, одна особенно поражаетъ вниманіе. «Изученіе древности, говоритъ онъ, не есть занятіе, отдѣленное отъ другихъ: всякой разъ, когда оно поднимается выше мертвой буквы, это благородное изученіе становится исторіею ума человѣческаго. Оно не только умѣстно во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, но еще открываетъ уму столь обширное поле, что мысль съ удовольствіемъ тутъ останавливается, и хоть на короткое время забываетъ бѣдствія, неразлучныя съ великими переворотами политическими и нравственными.» Сочиненіе, о которомъ здѣсь говорится, въ 1816 году было вновь напечатано въ Парижѣ подъ наблюденіемъ Барона Сильвестра де Саси.

III.

Правильно развитый умъ, возбуждаемый счастливымъ дарованіемъ и энергическимъ влеченіемъ молодости, повсюду собираетъ пищу для своей неутомимой дѣятельности. Особенно привлекаетъ его въ сферу разнообразныхъ и плодотворныхъ идей блистательное общество геніальныхъ писателей, гдѣ часто одно живое слово наводитъ его на длинный рядъ новыхъ истинъ. Этимъ объясняются тѣ многочисленныя сближенія съ современными знаменитостями, которыя Графу С. С. Уварову доставили друзей въ лицѣ Гумбольтовъ, Гёте, Германа, Сталь, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и многихъ другихъ. Въ Германіи, во Франціи и въ Россіи онъ со всею любознательностію вникалъ въ вопросы, которыхъ рѣшеніе могло занимать кого нибудь изъ этихъ мыслящихъ людей.

Самая отдаленность мѣста не препятствовала его ученымъ и дружескимъ сношеніямъ съ ними. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ еще съ замѣтнымъ удовольствіемъ описывалъ благородныя забавы, такъ называвшагося, «Арзамасскаго Общества», въ которомъ и на его долю досталась честь обработки отечественнаго языка. Если когда нибудь издана будетъ его литературная переписка, она послужитъ замѣчательнымъ матеріаломъ для исторіи лучшей эпохи Европейской словесности.

Въ 1817 году явилось на Нѣмецкомъ языкѣ его историко-критическое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Nonnos von Panopolis, der Dichter», съ посвященіемъ Гёте. Авторъ не безъ намѣренія избралъ для новаго труда своего имя и сочиненіе, о которыхъ менѣе было писано, нежели о другихъ Греческихъ поэтахъ и ихъ произведеніяхъ. Поэма, написанная въ V-мъ столѣтіи по Р. Х., когда Египетъ сдѣлался убѣжищемъ талантовъ Греціи, открывала историку обширное поле для догадокъ и новыхъ выводовъ, которыми онъ могъ дополнить многочисленныя воззрѣнія на классическую древность. Въ своемъ письмѣ къ Гёте онъ съ энтузіазмомъ говоритъ о томъ совершенствѣ, до котораго доведенъ по части ученой критики Нѣмецкой языкъ усиліями знаменитыхъ писателей Германіи, что и его побудило примкнуть къ ихъ разряду.

Нельзя при этомъ случаѣ не упомянуть объ отношеніяхъ Графа С. С. Уварова къ другому лицу, посвятившему много ученыхъ трудовъ изданію поэта Нонна. Президентъ самъ подробно разсказываетъ объ этомъ предметѣ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Академика и Профессора Грефе. «Призванный къ отправленію обязанностей Попечителя, когда другіе только-что начинаютъ еще университетское воспитаніе, я скоро замѣтилъ (говоритъ онъ), что въ моемъ образованіи оказывался недостатокъ основательнаго знанія древнихъ языковъ. Я рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ, произведенный въ моихъ познаніяхъ раннимъ вступленіемъ на поприще дѣловыхъ занятій. Въ это самое время начались мои тѣсныя сношенія съ Грефе, которому я имѣлъ удовольствіе открыть почетное поприще, пройденное имъ съ такимъ успѣхомъ.

«Изданныя имъ изслѣдованія объ Антологіи, продолжаетъ онъ, представляютъ неопровержимыя доказательства, что съ качествами совершеннѣйшаго Грамматика Профессоръ соединялъ вѣрный и разборчивый тактъ и симпатическую проницательность, такія свойства, которыя составляютъ истинное достоинство новѣйшей критики. Для удостовѣренія въ этомъ, довольно указать на его изданіе Павла Силенціарія, и въ особенности на изданіе Нонна Панопольскаго, которое, къ несчастію, осталось неоконченнымъ. Это послѣднее изданіе, важнѣйшій между уче-

ными трудами Грефе, имѣетъ въ моихъ глазахъ тѣмъ болѣе прелести, что мы съ нимъ вмѣстѣ занимались предварительной работой. На каждой страницѣ оно хранитъ почетныя для меня свидѣтельства моего содѣйствія трудамъ знаменитаго эллиниста. Въ ту самую пору я издалъ свой трактатъ, подъ заглавіемъ Nonnos von Panopolis, der Dichter. Это составляло родъ введенія къ изданію ученаго Академика. Посвятивъ со мною нѣсколько лѣтъ прилежному чтенію огромной поэмы Нонна, Грефе приступилъ къ окончательному собранію всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для изданія послѣдняго памятника Греческой литературы, при чемъ мы оба поражены были тѣмъ, что она оканчиваетъ свое существованіе не въ дряхлыхъ формахъ старческаго истощенія, но среди блистательныхъ увлеченій молодости и въ избыткѣ юношеской силы. Послѣ Нонна глубокая тьма вдругъ овладѣваетъ Греческой литературой, и она умираетъ, какъ тотъ Азіатской тиранъ, который погибъ въ концѣ великолѣпнаго пиршества, среди самаго блистательнаго торжества своихъ сокровищъ.»

Одно указаніе на ученые труды Графа С. С. Уварова, предшествовавшіе вступленію его на административное поприще, приводитъ къ простому изъясненію успѣховъ его въ государственной службѣ. Надобно прибавить къ этому, что эпоха его появленія въ свѣтѣ была особенно благопріятна для человѣка впечатлительнаго, мыслящаго и обладавшаго дарованіемъ писателя. Первые годы царствованія Императора Александра Павловича представляютъ общее одушевленіе, общій порывъ къ успѣхамъ образованности и просвѣщенія. Вслѣдъ за тѣмъ отечественная война, раскрывъ политическій горизонтъ, вызвала живѣйшее участіе къ подвигамъ тогдашнихъ представителей народовъ. Графъ С. С. Уваровъ постоянно слѣдовалъ за любопытнымъ движеніемъ умовъ, и вносилъ свою мысль въ современную литературу, съ своей точки зрѣнія разсматривая новые вопросы. Тогда были имъ напечатаны небольшія сочиненія: О преподаваніи Исторіи относительно къ народному воспитанію, Объ Императорѣ Александрѣ и Бонапарте, О Генералѣ Моро, О видахъ Наполеона на Италію, и нѣкоторыя другія. Все это вмѣстѣ привлекало къ нему особенное вниманіе, и Акаде-

мія, въ которую теперь вступилъ онъ Президентомъ, еще въ 1811 году признала его своимъ Почетнымъ Членомъ.

IV.

Въ Академіи наукъ ожидали его не одни ученыя занятія. Ежели можно сравнить это высокое, знаменитое и въ ученомъ отношеніи первостепенное у насъ учрежденіе съ величественнымъ зданіемъ; то надобно прибавить, что всѣ части, всѣ стороны его угрожали тогда паденіемъ. Не восходя къ изысканію причинъ этого печальнаго явленія, обнаружившихся еще въ первые періоды существованія Академіи, довольно сказать, что въ послѣднія десять лѣтъ она держалась одною недвижностію внутренняго и внѣшняго своего устройства. Предшественникъ по Академіи Графа С. С. Уварова, по особенной довѣренности Государя Императора облеченный въ отправленіе высшихъ обязанностей государственнаго лица, едва находилъ время поддерживать одинъ формы президентскаго званія, а наконецъ, совсѣмъ отозванный изъ здѣшней столицы, онъ сохранялъ только имя почетной своей должности.

Главное зданіе Академіи, мѣсто собранія Членовъ ея, величественное по наружности и нынѣ столь счастливо приспособленное ко всѣмъ требованіямъ высшаго ученаго учрежденія, въ то время еще не было достроено внутри, хотя водвореніе Академіи въ его стѣнахъ современно было царствованію Императрицы Екатерины II. Двѣ трети дома не могли быть обитаемы, а большая зала, въ которой теперь происходятъ торжественныя публичныя собранія, оставалась не только безъ всякой отдѣлки, но и безъ пола, по тогдашнему мнѣнію, ошибочно проектированная и не способная къ принятію формъ назначенія своего. Другія два зданія, на одной линіи стоявшія съ главнымъ, изъ которыхъ одно, предназначавшееся въ 1723 году быть Дворцомъ вдовствовавшей Царицы Прасковіи Ѳеодоровны, супруги Царя Іоанна Алексѣевича, нынѣ не существуетъ, находились еще въ худшемъ состояніи сравнительно съ первымъ, потому что были древнѣе его. Между тѣмъ оба они служили мѣстомъ сохраненія необходимыхъ принадлежностей Академіи.

Столь жалкое состояніе самой вмѣстимости ученыхъ собраній требовало отъ новаго Президента необыкновенной распорядительности, особенныхъ соображеній и твердости въ исполненіи предпріятій. Дѣло шло не объ улучшеніяхъ, не о прихотяхъ вкуса или роскоши, а о предметахъ первой потребности. Доведенныя до близкаго упадка зданія лишали Академію возможности не только пополнять и улучшать ученыя ея пособія, столь необходимыя для успѣховъ ученыхъ занятій, но и поддерживать ихъ въ первоначальномъ состояніи, даже предохранять отъ неизбѣжныхъ поврежденій. Существеннымъ принадлежностямъ Академіи, ея, такъ сказать, воздуху и свѣту, не доставало ни пищи, ни жизни. Все ожидало живительнаго воззванія къ обновленію бытія; все чувствовало потребность въ дѣятельномъ участіи.

Не удивительно, что, вступая въ первый разъ въ среду знаменитостей и ожидая нѣкоторой торжественности въ полномъ ихъ собраніи, Президентъ, къ немалому изумленію своему, увидѣлъ передъ собою только пятнадцать особъ, которыми для его встрѣчи и ограничилось число Членовъ обоихъ Отдѣленій Академіи. Отсутствовавшихъ оставалось еще два Академика: Шторхъ и Кирхговъ. Въ этомъ итогѣ заключался весь ихъ составъ. Неподвижность и разслабленіе общаго состава сдѣлались причиною истощенія и производительныхъ силъ. Для соединенной дѣятельности всего необходимѣе правильное устройство и бдительное направленіе. Умственныя предпріятія требуютъ сверхъ того нравственныхъ высшихъ поощреній, которыя служатъ замѣною вещественныхъ выгодъ. Обаянію славы принадлежатъ всѣ жертвы, всѣ лишенія и то изумительное самоотверженіе, которое такъ часто встрѣчается въ жизнеописаніяхъ тружениковъ науки.

Такимъ образомъ Президентъ, призванный къ оживленію Академіи, съ самаго своего появленія въ ней почувствовалъ, что, для достиженія этой цѣли, ему необходимо возсоздать въ ней все, начиная съ хозяйственной части до административной и ученой. Одинъ взглядъ на благосостояніе Академіи въ нынѣшнее время достаточно убѣждаетъ каждаго, что не тщетны были усилія тридцатисемилѣтнихъ трудовъ Президента. Но самый любопытный и поучительный предметъ составляютъ избран-

ные имъ пути и средства, которыми онъ совершилъ предначертанія свои.

V.

Вникая въ первыя распоряженія его, нельзя не чувствовать, что онъ ни въ чемъ не находилъ столь прочнаго основанія для дѣйствительныхъ успѣховъ Академіи, какъ въ немедленномъ развитіи ея нравственныхъ силъ, и потому тотчасъ поставилъ ее въ прямыя и близкія сношенія съ такими лицами, которыхъ одни имена уже возбуждали соревнованіе къ благородной дѣятельности и славѣ. Въ это же самое засѣданіе, которымъ 28 Января 1818 года открывается его управленіе, онъ предложилъ приступить къ избранію Карамзина въ почетные Члены Академіи. Единодушное согласіе всѣхъ Членовъ показало сочувствіе обѣихъ сторонъ. Президентъ приготовилъ слѣдующее отношеніе къ Исторіографу: «Императорская Академія наукъ, избравъ васъ единогласно въ свои почетные Члены, поручила мнѣ увѣдомить васъ о томъ. Академія не думаетъ съ симъ званіемъ дать вамъ новое право на уваженіе отечества и Европы. Она только предупреждаетъ справедливое ей нареканіе соотчичей и потомства, если бы имя ваше не украшало ея лѣтописей.» Отвѣтъ Карамзина былъ не менѣе скроменъ и лестенъ для Академіи. «Изъявляю Вашему Превосходительству искреннѣйшую благодарность за честь, оказанную мнѣ Императорскою Академіею наукъ. Право мое на сію великую честь состоитъ развѣ въ томъ, что я былъ прилежнымъ ученикомъ знаменитыхъ мужей: Баера, Миллера, Шлецера и другихъ нашихъ достойныхъ Академиковъ, которые трудились въ объясненіи Россійскихъ древностей.» Отъ сношеній подобнаго рода естественно возникаютъ новыя желанія и новыя предпріятія. Въ другое засѣданіе, бывшее 11 Февраля, такое же вниманіе, по желанію Президента, оказано Академіею Александру Гумбольту, генію многообъятному и глубоко во все проникающему, и Французскимъ оріенталистамъ: Барону Сильвестру де Саси и М. Ланглесу, которыхъ изумительныя разысканія такъ сильно привлекали къ себѣ вниманіе Графа С. С. Уварова, тѣмъ болѣе, что онъ приготовлялся уже къ открытію Восточныхъ каѳедръ въ тогдашнемъ Глав-

номъ Педагогическомъ институтѣ, изъ котораго, по его предначертанію, черезъ годъ возникъ здѣшній Университетъ.

Не случайно и не мимоходомъ прикоснулся онъ къ Восточной филологіи, вступая на авторское поприще. Этотъ новый у насъ предметъ изученія, какъ оправдали послѣдующія событія, имъ же вызванныя къ своему осуществленію, занималъ его въ теченіе долгихъ лѣтъ постоянно. Довольно привести на память исполненное имъ по этой части въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, въ Академіи наукъ и въ Университетахъ Санктпетербургскомъ и Казанскомъ. Первое изъ названныхъ учрежденій доставило ему, какъ Попечителю и какъ оратору, полное торжество, которое онъ испыталъ вскорѣ послѣ вступленія въ Академію. Открытіе Восточныхъ каѳедръ въ Институтѣ послѣдовало 22 Марта 1818 года. Попечитель почелъ своимъ долгомъ изложить въ особенной Рѣчи всю важность новыхъ предметовъ, вводимыхъ въ программу преподаванія. Ученыя празднества всегда вызывали его на краснорѣчивыя привѣтствія, которыя остались украшеніемъ нашей литературы. Полный одушевленія и любви къ предмету, онъ говорилъ о Востокѣ, о литературахъ Арабской, Персидской и особенно Санскритской. Наконецъ, по случаю возобновленія тогда же каѳедры Исторіи, онъ блистательно развилъ всю обширную идею этой важной въ образованіи юношества науки. «Вы знаете, говорилъ онъ, обращаясь къ собранію, какое мѣсто Востокъ занимаетъ въ исторіи, Востокъ, первая колыбель, первое поприще лучшаго бытія, первый свидѣтель паденія рода человѣческаго. Изъ Азіи проистекали всѣ религіи, всѣ науки, вся философія. Она одна сохранила чудный даръ производить всѣ большія явленія моральнаго міра; тамъ находимъ мы истинный, единственный источникъ всеобщаго просвѣщенія, и кто могъ бы не горѣть желаніемъ созерцать вблизи богатства сего неисчерпаемаго рудника ума человѣческаго? Къ сему имѣемъ мы одинъ способъ: Восточные языки. Вообще языки суть памятники временъ, предшествовавшихъ исторіи. Узнать языкъ народа значитъ узнать весь ходъ его образованія. Въ нѣдрахъ сихъ дивныхъ составовъ лежитъ, такъ сказать, печать, отличающая одинъ народъ отъ другаго. Чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ народъ ближе къ просвѣщенію.

Сличеніе языковъ можетъ пзъяснить происхожденіе и сродство народовъ между собою; и если бъ, по непредвидимому случаю, могли когда либо исчезнуть съ лица земли всѣ памятники исторіи, тогда слѣды временъ прошедшихъ остались бы только въ самыхъ діалектахъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, въ ихъ внутреннемъ образованіи; и тогда бъ мы судили о политической судьбѣ народа по совершенству грамматическихъ формъ ему принадлежавшаго языка.»

Отъ филологіи переходя къ исторіи, ораторъ говоритъ: «Исторія представляетъ намъ человѣка въ обществѣ; она принимаетъ свое начало на равнинахъ Азіи, подъ сѣнію патріарховъ, въ мирномъ кругу семейственной жизни. Святая простота нравовъ, подъ вліяніемъ которой власть отца представляла власть монарха, а человѣкъ и гражданинъ были еще неразлучны въ одномъ лицѣ! Выступая за предѣлы младенчества, общества развиваютъ постепенно всѣ силы и переходятъ отъ простаго семейственнаго правленія къ образованію формъ правительства, сложныхъ въ своемъ существѣ и разнообразныхъ по своимъ дѣйствіямъ.» Быстро окинувъ взглядомъ картину состоянія гражданскихъ обществъ на Востокѣ и заключивъ свое обозрѣніе теократіею Индіи и Египта, сочинитель прибавляетъ: «но врожденная сила человѣческаго ума побѣждаетъ наконецъ всѣ препятствія. Онъ стремится къ другой части міра. Чрезъ Египетъ текутъ науки въ Грецію; она тогда же образуется чрезъ сношенія съ Финикіянами. Между берегомъ Аттики и берегомъ Малой Азіи сосредоточиваются всѣ движенія человѣческаго ума. Исторія міра дѣлается исторіею Греціи. Египетъ и Финикія передаютъ ей просвѣщеніе, мудрость и торговлю. Востокъ угасаетъ; вселенная измѣняется; человѣческій умъ возраждается въ новомъ видѣ подъ чудеснымъ небомъ Греціи. Достояніе всѣхъ вѣковъ дѣлается собственностію одного народа. Онъ налагаетъ свою печать на исторію. Отъ судьбы двухъ или трехъ городовъ Аттики и Лаконіи будетъ отнынѣ зависѣть моральная судьба вселенной.» Въ этихъ указаніяхъ Попечителя, краткихъ, но прямыхъ и точныхъ, молодые слушатели находили твердую опору науки и высшія воззрѣнія, которыя пріучали ихъ къ открытію новыхъ путей на ученомъ поприщѣ.

VI.

Президентъ, какъ замѣчено выше, прежде всего спѣшилъ возбудить къ дѣятельности нравственныя силы Академіи. Лично присутствуя почти въ каждомъ ея засѣданіи, онъ постоянно занималъ Членовъ указаніями на новые предметы и новыя предположенія, которыя ученому обществу могли доставить новыя права на всеобщее уваженіе.

21-го Февраля, въ третій разъ присутствуя въ засѣданіи, онъ изложилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ обдуманный имъ планъ изданія «Путешествій Академиковъ»: «Ни одно ученое предпріятіе не принесло столь много славы Академіи и столь много пользы отечеству, какъ путешествія Академиковъ по Россіи. Но записки сихъ путешествій, на разныхъ языкахъ писанныя, въ разныя времена печатанныя, притомъ нерѣдко въ отсутствіи, или даже по смерти путешествовавшихъ, и потому искаженныя типографскими погрѣшностями, а при вторичныхъ перепечатаніяхъ еще болѣе, требуютъ нынѣ новаго, единообразнѣйшаго, исправнѣйшаго и цѣли болѣе соотвѣтствующаго изданія на Россійскомъ языкѣ къ вящшей пользѣ и чести Академіи. Попеченіе же о семъ не иначе препоручить можно, какъ Академикамъ, извѣстнымъ уже ученому свѣту по собственнымъ ихъ упражненіямъ въ наукахъ, особливо въ такихъ, кои находятся въ ближайшей связи съ предметомъ, составлявшимъ занятія путешественниковъ. На сей конецъ я призналъ нужнымъ составить при Академіи Наукъ особый комитетъ, подъ названіемъ издательнаго.»

Вслѣдъ за тѣмъ подробно изложено имъ было устройство и дѣлопроизводство этого ученаго предпріятія, которое Президентъ бралъ въ непосредственное свое завѣдываніе. По плану его, изданіе предположено раздѣлить на четыре періода: 1. съ 1733 по 1755 годъ, 2. съ 1768 по 1775, 3. съ 1780 по 1795. 4. до послѣдняго времени. Передъ каждымъ путешествіемъ предположено составить біографію автора, а самый текстъ, по мѣрѣ надобности, снабдить ландкартами и эстампами.

Во всѣхъ распоряженіяхъ Президента, которыми онъ нетерпѣливо желалъ обновить достоинство, неотъемлемо принадлежащее Академіи, видны многосторонніе воззрѣнія его и столь похвальное въ администраціи безпристрастіе, съ любовію наблюдающее за движеніемъ каждой части цѣлаго. По характеру исключительныхъ своихъ ученыхъ занятій и по тѣмъ обширнымъ познаніямъ, которыя были имъ пріобрѣтены въ избранной вкусомъ его области наукъ, онъ естественно могъ бы оказывать предпочтеніе филологическому отдѣленію Академіи, тѣмъ болѣе, что оно являлось тогда какъ бы въ едва замѣтномъ зародышѣ. Но съ перваго же года управленія онъ открылъ по части естествовѣдѣнія самыя полезныя для Академіи сношенія съ другими подобными ей учрежденіями въ Европѣ и Америкѣ, что быстро повело къ улучшенію музеумовъ ея и кабинетовъ, много лѣтъ оставшихся въ неподвижности. Собранія рѣдкихъ произведеній природы, изъ всѣхъ трехъ царствъ, присланныя въ даръ Академіи, значительно обогатили ученыя пособія ея гораздо прежде, нежели она пришла въ состояніе пріобрѣтать ихъ собственными средствами. Состояніе академической библіотеки, которая всегда признаваема была въ числѣ замѣчательнѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ, равнымъ образомъ требовало усовершенствованія. По предложенію Президента, неотлагательно приступили къ повѣркѣ ея сокровищъ и къ составленію каталоговъ. Всѣ улучшенія внутренняго состоянія Академіи производились дѣятельно, по непосредственнымъ указаніямъ того, кто въ нихъ такъ живо чувствовалъ потребность.

Филологія Востока и древне классическихъ языковъ не составляла еще отдѣленія въ числѣ прочихъ предметовъ, которые были обработываемы въ Академіи со времени ея учрежденія. Хотя знаменитый Френъ съ 1817 года считался Академикомъ, но онъ не вполнѣ и случайно примкнулъ къ составу нашего высшаго ученаго сословія. Возвращаясь изъ Казани (гдѣ онъ былъ Профессоромъ въ Университетѣ) на родину свою въ Ростокъ, получилъ онъ въ Санктпетербургѣ временное порученіе привести въ порядокъ нумизматическій кабинетъ Академіи, которая поспѣшила почтить его званіемъ дѣйствительнаго своего

Члена. Между тѣмъ, еще въ 1818 году, начальство Академіи ходатайствовало у Великаго Герцога Мекленбург-Шверинскаго о дозволеніи Френу провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи сверхъ назначеннаго ему отпускомъ срока. Оказалась неоцѣненная выгода для Академіи, что новый Президентъ ея уже обдумывалъ планъ расширенія сферы ввѣреннаго ему учрежденія, и съ перваго знакомства достойно оцѣнилъ незамѣнимаго оріенталиста. Онъ умѣлъ на всю жизнь водворить его въ Россіи и сохранить для Академіи. Вотъ что по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ писалъ самъ Графъ С. С. Уваровъ къ Непремѣнному Секретарю, получивъ донесеніе о кончинѣ Френа:

«Со времени кончины Сильвестра де Саси Восточная литература еще не оплакивала имени болѣе великаго. Френъ, одно изъ свѣтилъ высшаго знанія, принадлежалъ къ разряду совершеннѣйшихъ ученыхъ, которыхъ племя теперь истощилось. Къ тому же, онъ былъ превосходный человѣкъ, съ прекрасными правилами, съ добрымъ и умѣреннымъ характеромъ. Вы не можете сомнѣваться въ моей готовности содѣйствовать всему, чѣмъ можно почтить память ученаго, присоединеніе котораго къ нашей Академіи я считалъ для себя славой.»

Такъ положено было основаніе трудной, но столь необходимой для Россіи отрасли знаній, которая постоянными усиліями и неизмѣнною къ ней любовію Президента доведена въ послѣдующіе годы до нынѣшнихъ ея обширныхъ размѣровъ. Не менѣе заботился онъ и о водвореніи древне-классической филологіи. Въ числѣ счастливыхъ дарованій Графа С. С. Уварова была способность распознавать призваніе людей и заранѣе опредѣлять ихъ лучшее поприще. Было уже упомянуто о дружескихъ сношеніяхъ его съ эллинистомъ Грефе. «Эти сношенія, прибавляетъ Президентъ, продолжались около пятнадцати лѣтъ съ замѣчательною настойчивостію. Почти всегда случалось такъ, что профессоръ, отдававшій Попечителю отчетъ въ своихъ университетскихъ трудахъ, вечеромъ занималъ при немъ профессорское мѣсто, и за Греческой грамматикой смѣло руководилъ своего начальника, котораго привѣтствовалъ поутру въ университетской аудиторіи. Не могу пройти молчаніемъ, что, когда знаменитый Баронъ Штейнъ, изгнанный и гонимый Наполео-

номъ, прибылъ въ Россію, чтобы найти убѣжище и принять участіе въ великихъ событіяхъ 1812 года, я присовѣтовалъ ему, для временнаго развлеченія отъ тяжкихъ трудовъ и личныхъ огорченій, возобновить занятія Греческимъ языкомъ. Я указалъ ему на Грефе, и знаменитый изгнанникъ, слѣдившій за всѣми политическими переворотами того времени, не пропускалъ ни одного дня безъ того, чтобы не прочесть съ Грефе нѣсколько страницъ изъ Ѳукидида. Мои личныя сношенія съ ученымъ эллинистомъ продолжались до той поры, пока служебныя занятія не поглотили всѣхъ моихъ досуговъ, что однако жъ никогда не прерывало дружескихъ связей между учителемъ и ученикомъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ единственно потому, что оно даетъ мнѣ право и вмѣстѣ возлагаетъ на меня священную обязанность посвятить нѣсколько страницъ воспоминанію объ этомъ отличномъ эллинистѣ. Никто въ самомъ дѣлѣ лучше меня не могъ цѣнить его неоспоримыхъ заслугъ. Получивъ филологическое образованіе въ такой школѣ, гдѣ всѣ трудности грамматики, понимаемой въ ея высшемъ значеніи, разрѣшены были вполнѣ, Грефе съ этой спеціальной эрудиціей соединялъ утонченность вкуса и проницательность ума, такія качества, при которыхъ совершенно способенъ былъ доказать, что эти, такъ называемые, мертвые языки, на извѣстной высотѣ пониманія ихъ, одушевлены болѣе, чѣмъ когда либо, и что многіе изъ новѣйшихъ языковъ пользуются противъ нихъ гораздо меньшимъ правомъ называться живыми. Ученикъ Готфрида Германа, который самъ считалъ его способнѣйшимъ и наиболѣе созрѣвшимъ между своими слушателями, Грефе безпрерывно посвящалъ всѣ минуты своей трудолюбивой жизни глубокому изученію языка, въ которомъ для него не было тайнъ.»

Достаточно этого очертанія, чтобы предвидѣть, какое назначеніе приготовлялъ эллинисту Президентъ Академіи. Въ Декабрѣ 1818 года онъ предложилъ приблизить его къ своему новому кругу въ званіи Корреспондента Академіи. Въ 1820-мъ Грефе является уже дѣйствительнымъ ея Членомъ. Вотъ какимъ образомъ Графъ С. С. Уваровъ частныя свои отношенія умѣлъ обращать на пользу общественную.

VII.

Ближайшее участіе во всѣхъ предположеніяхъ Президента и ихъ исполненіи принималъ Академикъ Николай Фусъ, тогдашній Непремѣнный Секретарь. Несомнѣнныя достоинства каждаго изъ этихъ двухъ лицъ привлекали ихъ другъ къ другу и служили охраненіемъ выгодъ Академіи. Уже двадцать два года Фусъ состоялъ въ средѣ нашихъ ученыхъ какъ отличный математикъ. Правительство давно пользовалось просвѣщеннымъ умомъ его при образованіи училищъ, которыхъ число и самое устройство еще не соотвѣтствовали тогда потребностямъ обширнаго государства. Съ 1800 года Фусъ былъ Непремѣннымъ Секретаремъ, получивъ эту должность какъ бы наслѣдственно по кончинѣ своего тестя Академика Іоанна Альберта Эйлера. И такъ можно сказать, что для новаго Президента онъ былъ живою лѣтописью всего прошедшаго Академіи. Графъ С. С. Уваровъ, со времени вступленія своего въ Министерство просвѣщенія, находился въ сношеніи съ нимъ, явно оказывая уваженіе къ его извѣстнымъ заслугамъ Россіи. Съ 1811 года началась ихъ дружеская переписка и продолжалась до самой кончины Непремѣннаго Секретаря въ 1825 году. Обстоятельства помогли сохраниться этой связи по смерти Академика въ новомъ поколѣніи. Сынъ его, Павелъ Фусъ, въ 1818 году находился при Академіи воспитанникомъ ея, совершенствуя свои познанія въ математикѣ подъ руководствомъ отца. Президентъ не могъ не обратить вниманія на молодаго человѣка, въ лицѣ котораго ожидалъ найти себѣ сотрудника по дѣламъ Академіи. Онъ въ первый же годъ управленія своего предложилъ его къ избранію въ Адъюнкты, которое происходило 10 іюня. Признательный отецъ вполнѣ чувствовалъ цѣну лестнаго къ себѣ благорасположенія Президента, и въ письмѣ къ нему выразился слѣдующимъ образомъ: «Какъ счастливъ сынъ мой, что онъ еще молодъ, слѣдственно можетъ надѣяться увидѣть полдень прекраснаго дня, который начинаетъ сіять надъ Академіею, тогда, какъ его отецъ, можетъ быть, не больше увидитъ, какъ одну зарю. Если бы Господь помогъ сыну моему въ 1827 году сдѣлаться для Академіи тѣмъ же, чѣмъ началъ быть для нея въ 1727 году прадѣдъ его Леонардъ

Эйлеръ!» Извѣстно, что молодой Фусъ, по своимъ отличнымъ способностямъ, скоро сдѣлался замѣчательнымъ лицемъ въ Академіи. Его ученые труды въ непродолжительное время доставили ему степень ординарнаго Академика. Ему же сверхъ того наука обязана тщательнымъ приготовленіемъ къ печати и обнародованіемъ нѣсколькихъ томовъ глубокомысленныхъ сочиненій великаго прадѣда его, сохранявшихся рукописными частію въ Академіи, частію въ семействѣ Фусовъ. Но блистательнѣе всего для Академіи было исполненіе имъ, по смерти отца, должности Непремѣннаго Секретаря, въ которой пробылъ онъ тридцать лѣтъ. Собраніе годичныхъ его отчетовъ о трудахъ Академіи должно назвать краснорѣчивѣйшею лѣтописью этого счастливаго періода. Взвѣшивая столько оправданій, никто не усомнится признать, что предусмотрительность Президента и въ этотъ разъ не измѣнила ему.

Упоминаемыя здѣсь распоряженія по дѣламъ Академіи не обнимаютъ всего, чѣмъ озабоченъ былъ и что успѣлъ исполнить Графъ С. С. Уваровъ въ теченіе перваго года. Указанія обращены преимущественно на характеристическія черты картины, изъ которыхъ наблюдателю позволительно составить родъ программы предстоящей дѣятельности Президента. По смыслу этого предначертанія, незамѣтно составившагося при началѣ длиннаго поприща, безъ уклоненія отъ естественнаго порядка дѣлъ, безъ нарушенія изданныхъ существовавшихъ постановленій, Академія должна была увеличиться въ составѣ дѣйствователей своихъ, расширить предѣлы постоянныхъ занятій, отвѣчать ученными трудами своими требованіямъ вѣка, существованіе свое возвысить до историческаго явленія, и образовать въ средѣ своей центръ общеполезныхъ разнородныхъ знаній, которыхъ лучи освѣщали бы и согрѣвали самые отдаленные края обширнаго нашего отечества.

Исполненіе такого плана началось легко и свободно, какъ совершаются всѣ явленія, приготовляемыя по требованію ихъ природы. Между Академіею и внѣшними лицами открылися сношенія, свидѣтельствующія съ одной стороны о сознаніи долга, съ другой о довѣренности къ силамъ. Правительство, занимаясь въ это время отправленіемъ въ Ки-

тай новой духовной миссіи, пожелало воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для подробнѣйшаго изученія столь еще мало извѣстной Европейцамъ земли, и поручило Академіи составить полную инструкцію, которою бы руководствовались молодые ученые, предназначенные къ сопровожденію миссіи. Надобно взглянуть въ подлинныя бумаги этого труда, чтобы почувствовать, съ какою заботливостію, съ какимъ знаніемъ дѣла и въ какой полнотѣ Академія представила плодъ своихъ соображеній. Для указанія предметовъ, которыхъ изученіемъ должны были заняться Русскіе путешественники въ Китаѣ, почти каждый Академикъ перебралъ извѣстнѣйшія иностранныя книги, относящіяся къ предложенному вопросу, и такимъ образомъ составилась образцовая инструкція для изученія всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ. Географія, астрономія, статистика, филологія, древности, исторія, политическая экономія, зоологія, ботаника, минералогія, художества, фабрики, благоустроїйство, торговля, словомъ, все, входящее въ составъ полнаго изслѣдованія края, все обозначено въ инструкціи.

Не менѣе замѣчательнымъ событіемъ того же времени было для Академіи кругосвѣтное путешествіе флота Капитана Васильева, въ которое отправленъ былъ для ученыхъ наблюденій молодой астрономъ Тархановъ, четыре года пробывшій въ экспедиціи. Президентъ вдвойнѣ удовлетворенъ былъ его успѣхами: онъ поступилъ въ Академію изъ того Педагогическаго института, который процвѣталъ подъ попечительствомъ Графа С. С. Уварова.

Въ число первыхъ же исполненій высшихъ обязанностей Академіи надобно внести путешествіе въ Крымъ Академика Кёлера для изслѣдованія памятниковъ древней архитектуры, находящихся на полуостровѣ. На путешественника, котораго сопровождалъ архитекторъ Паскаль, возложена была обязанность донести Правительству, могутъ ли хорошо сохранившіеся остатки древности назначены быть для какого нибудь употребленія, а равно и потерпѣвшіе отъ времени удобно ли возстановить для извѣстныхъ цѣлей съ нѣкоторыми издержками. Донесенія Академика Кёлера, разсмотрѣнныя въ Академіи, со-

общены были по принадлежности и приведены въ исполненіе, сколько дозволяли мѣстныя обстоятельства. Довольно любопытно замѣтить, что этотъ весь вопросъ о Крымскихъ древностяхъ поднятъ былъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ Капнистомъ, посѣтившимъ тогда классическую Тавриду.

VIII.

При исчисленіи новыхъ предпріятій, которыми ознаменовано начало управленія Академіею Графа С. С. Уварова, нельзя не возвратиться къ письменнымъ трудамъ Академиковъ, уже заявшихся, какъ было сказано выше, переводомъ, повѣркою и дополненіемъ ученыхъ путешествій ихъ предшественниковъ. Къ числу обязательныхъ кабинетныхъ трудовъ ихъ принадлежало приготовленіе къ печати разныхъ разсужденій, составляемыхъ каждымъ Академикомъ по его наукѣ. Академія ежегодно издавала ихъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ «Умозрительныхъ Изслѣдованій», еще не отвыкнувъ отъ устарѣлой фразеологіи и тяжелыхъ формъ Русскаго языка, уже получившаго новую силу и ясность въ твореніяхъ Карамзина. Президентъ почувствовалъ необходимость сообщить этому изданію характеръ и другія качества современности. Въ слѣдствіе предложенія его начался новый рядъ изслѣдованій, подъ названіемъ «Трудовъ Академіи». Онъ же поощрилъ возобновленіе общеполезнаго «Технологическаго журнала». Въ собраніе актовъ Академіи, выходившихъ на Французскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ, онъ предписалъ вносить написанныя и на Русскомъ языкѣ сочиненія, прежде помѣщавшіяся въ особомъ выпускѣ, обративъ вниманіе редакціи преимущественно на полноту историческихъ матеріаловъ самой Академіи.

Заботливость Графа С. С. Уварова простиралась до того, что онъ внимательно слѣдовалъ за участью каждаго изданія послѣ появленія его въ свѣтъ. Надобно вспомнить, что въ прежніе годы гласность новыхъ произведеній литературы распространялась медленно. Президентъ постановилъ правиломъ о каждомъ новомъ сочиненіи Академіи доводить до свѣдѣнія Особъ Императорской Фамиліи и другихъ почетныхъ лицъ, представляя имъ экземпляры

отъ имени Академіи. Высшія учебныя учрежденія въ Имперіи и за границею пользовались подобнымъ же отличіемъ. Лестные для сочинителей письменные отзывы поощряли ихъ къ новымъ трудамъ, а самое совершенствованіе разныхъ отраслей наукъ достигало между тѣмъ главной своей цѣли, распространенія болѣе вѣрныхъ понятій и новыхъ истинъ. Въ постоянствѣ почетныхъ сношеній, обращающихъ умъ и вкусъ на улучшеніе и разностороннюю обработку труда, заключается сильное побужденіе къ самосовершенствованію. Собраніе оффиціальныхъ бумагъ, принадлежащихъ описываемой эпохѣ и сохраняющихся въ Академіи, представляетъ многіе отзывы Почетныхъ ея Членовъ и другихъ лицъ, вполнѣ оправдывающіе систему дѣятельности новаго Президента. Такъ, напримѣръ, Графъ Сперанскій писалъ въ Академію изъ Сибири, находясь тамъ въ должности Генералъ-Губернатора: «Въ этой необъятной странѣ все приводитъ на память труды путешествовавшихъ Академиковъ. Естественная и гражданская ея исторія, географія и описаніе старинныхъ памятниковъ ея, все представляется какъ созданіе неутомимой ихъ дѣятельности. Ихъ поѣздки по здѣшнимъ пространствамъ, тогда являвшимся еще въ дикости и почти непроходимымъ, навсегда останутся незыблемымъ памятникомъ ихъ славы и успѣховъ ума въ изслѣдованіи истины.» Письменныя къ этимъ лицамъ отношенія Графа С. С. Уварова составляемы были въ такомъ же духѣ. 26-го Іюля 1818 года онъ слѣдующимъ образомъ выразился въ письмѣ къ Генералу Ермолову, бывшему начальникомъ войскъ на Кавказѣ:

«Вы поставлены на точкѣ, съ которой ваше содѣйствіе можетъ имѣть великія послѣдствія для наукъ. Предметы, васъ окружающіе, или мало извѣстны, или вовсе еще не описаны. Кавказъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ тьму сокровищъ, могущихъ обогатить и расширить кругъ естественныхъ и даже историческихъ наукъ. Сверхъ того земли, лежащія у его подошвы, самая Грузія, берега Каспійскаго моря, и вашими трудами если не пріобрѣтенная, такъ по крайней мѣрѣ удержанная часть Персіи, все представляетъ огромное поприще для испытателей природы, въ которомъ каждый камень, каждый цвѣтъ, каждый дикой житель лѣсовъ можетъ служить новымъ трофеемъ для уче-

наго свѣта. Академія не теряла никогда надежды довершить новыми учеными путешествіями прежнія свои предпріятія. Въ ожиданіи благопріятнаго для сего случая, я ограничиваюсь нынѣ покорнѣйшею просьбою, чтобы вы благоволили присылать, по мѣрѣ возможности, все, что привлекать будетъ ваше вниманіе, къ какому царству природы сей предметъ бы ни принадлежалъ. Каждый присланный предметъ будетъ, какъ должно, изслѣдованъ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ буду о послѣдствіяхъ васъ увѣдомлять. Сверхъ того, по случаю предпріятія со стороны Академіи издавать полное собраніе своихъ путешествій, я долгомъ поставилъ потребовать отъ Академиковъ нѣсколько вопросовъ по предметамъ самымъ нужнѣйшимъ, и буду имѣть честь препроводить сей списокъ Вашему Высокопревосходительству, въ упованіи, что онъ обратитъ на себя ваше вниманіе. Когда же возможно будетъ приступить къ составленію новой ученой экспедиціи для обозрѣнія земель, лежащихъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, тогда Академія будетъ основывать на вашемъ покровительствѣ и на вашемъ личномъ участіи почти весь успѣхъ предпріятія, давно ожидаемаго и обѣщающаго столь изобильную жатву наблюденій и познаній во всѣхъ родахъ.»

Въ подлинныхъ словахъ дѣйствующаго лица виднѣе и, такъ сказать, осязательнѣе является внутренняя его жизнь. Приводимый здѣсь отрывокъ письма раскрываетъ множество предположеній, которыя занимали тогда умъ Графа С. С. Уварова. Между тѣмъ собственные ученые труды его не забыты были посреди заботъ начальническихъ. Онъ продолжалъ дружескія сношенія съ Германскими знаменитостями, посвятивъ Готфриду Герману и Фридриху Крейцеру свои «Изслѣдованія о періодѣ до-Гомеровскомъ», служащія какъ бы дополненіемъ къ тому, что этими учеными написано было о Гомерѣ и Гезіодѣ. Это новое сочиненіе написано на Нѣмецкомъ языкѣ.

IX.

17 Ноября 1819 года, Непремѣнный Секретарь въ Общемъ Собраніи Академіи прочиталъ слѣдующее письмо къ нему Президента:

«Новый вопросъ касательно одного предмета древности предложенъ былъ мнѣ моими друзьями Лейпцигскимъ Профессоромъ Германомъ и Гейдельбергскимъ Профессоромъ Крейцеромъ. Я отвѣчалъ имъ на него прилагаемою здѣсь Запискою. Прошу Васъ представить ее отъ моего имени Академіи и увѣрить общее Собраніе, что я тѣмъ болѣе цѣню его мнѣніе, что на мнѣ лежитъ долгъ въ точности исполнить двоякую обязанность по Академіи, какъ ея Президента и какъ Академика.»

Присланное сочиненіе написано было на Французскомъ языкѣ. Авторъ въ академической Запискѣ своей критически разбираетъ басню о Геркулесѣ. Онъ съ полною откровенностію излагаетъ мнѣніе свое, совершенно противоположное тому, какое о Геркулесѣ высказано было Германомъ и Крейцеромъ. «Кто не смѣетъ обнаружить убѣжденія своего относительно какой нибудь истины, говоритъ онъ, тотъ ложно понимаетъ пользу науки.» Чтеніе этой Записки произвело самое благопріятное впечатлѣніе на слушателей. Опредѣлено было открыть въ академическихъ Мемуарахъ новый отдѣлъ, подъ названіемъ историко-филологическаго, и начать его сочиненіемъ Президента. Членами собранія замѣчено было съ особеннымъ удовольствіемъ, что, въ теченіе столѣтняго существованія Академіи, она въ первый разъ удостоивается чести видѣть въ собраніи трудовъ Академиковъ сочиненіе ихъ Президента.

Въ другомъ его письмѣ, въ то же засѣданіе читанномъ, заключалось увѣдомленіе, важное для редакціи «Ученыхъ Путешествій Академиковъ.» Членъ-корреспондентъ Академіи, Капитанъ перваго ранга Рикордъ (въ послѣдствіи Адмиралъ), доставилъ описаніе тогдашняго состоянія Камчатки, гдѣ онъ былъ областнымъ Начальникомъ, и нѣкоторыя подробности о публичныхъ и частныхъ зданіяхъ обитателей края въ 1818 году, собраніе мѣстныхъ минераловъ и разсказъ объ употребленіи Камчатской бѣлой глины. Назначено было всѣ новыя свѣдѣнія, въ видѣ прибавленій, внести въ сочиненіе Крашенинникова.

Еще любопытнѣе присланы были предметы для музеумовъ Академіи другимъ ея корреспондентомъ, Капитаномъ перваго ранга Головнинымъ, который, въ продолженіе 1817, 1818 и 1819 годовъ, совершилъ кругосвѣтное путешествіе. Собравши

въ разныхъ земляхъ, что только представлялось ему характеристически-замѣчательнаго, онъ предложилъ въ даръ Академіи свои рѣдкости. Можно по этому судить, какъ многочисленны, какъ послѣдовательны и какъ разнообразны сдѣлались сношенія Академіи съ тѣми людьми, которыхъ знанія и положеніе въ обществѣ прямо вызывали на участіе въ трудахъ Академіи. Эти необходимые участники въ великомъ и общеполезномъ дѣлѣ разработки наукъ указаны и усвоены были Академіи предусмотрительностію ея новаго Президента.

Онъ самъ блистательными успѣхами на поприщѣ филологіи и высшей критики привлекъ къ своимъ трудамъ справедливое вниманіе славнѣйшихъ Академій Европы. 23 Января 1820 года, Непремѣнный Секретарь получилъ отъ него слѣдующее увѣдомленіе:

«Прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія общаго Собранія, что Французская Академія Надписей и Изящной Словесности почтила меня избраніемъ въ число своихъ почетныхъ Членовъ на мѣсто скончавшагося Принца-Примаса Дальберга. Я ласкаю себя надеждою, что наша Академія не безъ участія услышитъ объ этомъ оказанномъ мнѣ отличіи.» Въ самомъ дѣлѣ было лестно вступить въ число, которое по Уставу Академіи ограничивается только шестью лицами, а еще болѣе лестно узнать, что совмѣстниками избраннаго были Геренъ и Сестини. Вскорѣ Копенгагенское королевское Общество наукъ равнымъ образомъ избрало его въ свои почетные Члены.

Надобно сознаться, что двойственныя усилія и Академіи и Президента къ достиженію общей ихъ цѣли быстро обозначили воспроизведеніе той программы, которая, какъ первая ихъ обязанность, стала занимать ученое собраніе. Преимущество, явно оказавшееся въ пользу пробужденія нравственныхъ силъ Академіи, внушало къ ней полную довѣренность Правительства и частныхъ лицъ, дорожившихъ славою отечества. Теперь сдѣлалось не только возможнымъ, но и законнымъ всякое притязаніе на усиленіе способовъ къ возстановленію устройства Академіи, какъ вмѣстилища ученыхъ дѣйствователей и необходимыхъ для нихъ ученыхъ пособій. Переходъ къ этой части преобразованій тѣмъ желательнѣе былъ для Президента, что онъ съ перваго года

управленія не переставалъ требовать учрежденія годичнаго торжественнаго собранія Академіи, которое, къ огорченію его, каждый разъ оказывалось неудобоисполнимымъ отъ недостатка мѣстности, хотя этимъ нарушалось правило Устава Академіи.

X.

Зданіе, съ давнихъ поръ извѣстное подъ наименованіемъ Кунсткамеры, прежде прочихъ потребовало исправленія. Надобно было неотлагательно приступить къ обновленію его крыши, чтобы предохранить отъ совершеннаго поврежденія собраніе рѣдкостей и зоологическій кабинетъ со множествомъ историческихъ предметовъ, тамъ находившихся. Въ Академіи, какъ упомянуто было, не представлялось къ тому никакихъ собственныхъ средствъ. Президентъ наконецъ достигнулъ до того, что разрѣшено было отпустить изъ Строительнаго комитета въ распоряженіе Академіи около 25 т. рублей.

Въ этомъ успѣхѣ важнѣе всего было прочное начало къ дальнѣйшимъ исправленіямъ, съ котораго, въ продолженіе десяти лѣтъ сряду, послѣдовательно шли разныя улучшенія обветшавшихъ зданій и сооруженія новыхъ. Обезпечивъ внѣшнимъ пособіемъ удовлетвореніе нуждъ значительной цѣнности, Президентъ въ то же время ввелъ внутри Академіи строжайшую бережливость, чтобы достигнуть возможности оборачиваться собственными средствами въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ меньшей стоимости.

Можетъ быть, долго не удалось бы ему привести къ счастливому окончанію всѣ предположенія, клонившіяся къ возведенію Академіи, даже со стороны ея внѣшности, на высоту, соотвѣтственную важности этого учрежденія, если бы самая перемѣна въ гражданской службѣ его не открыла къ тому новыхъ средствъ. 19 Іюня 1821 года Графъ С. С. Уваровъ Всемилостивѣйшее уволенъ былъ отъ должности Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго округа, а 28 Іюля 1822 года Высочайше повелѣно ему быть Директоромъ Департамента мануфактуръ и внутренней торговли. Четыре года онъ состоялъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Министромъ финансовъ Графомъ Канкри-

нымъ, котораго обширные планы касательно улучшенія Биржи и ея принадлежностей, сопредѣльныхъ съ раскинувшеюся мѣстностію Академіи, послужили къ прекрасному обновленію обѣихъ сторонъ.

Министерству финансовъ необходимо было пріобрѣсти отъ Академіи старинный домъ, когда-то предназначавшійся, какъ выше упомянуто, для Царицы Прасковіи Ѳеодоровны, и другое небольшое строеніе, находившееся на площади нынѣшняго биржеваго сквера и вмѣщавшее въ себѣ извѣстный Готторпскій глобусъ. Уступкою этихъ зданій съ занимаемою ими землею Академія пріобрѣтала для своихъ принадлежностей помѣщеніе новое, которое предположено построить въ удобнѣйшемъ для нея мѣстѣ, вполнѣ соотвѣтственно ея нуждамъ, и какого не могла она воздвигнуть собственными средствами. Отданныя ею зданія были разобраны: обновленія едва ли они и заслуживали по ветхости своей. Въ замѣнъ ихъ, передъ надворною стороною главнаго дома Академіи, на счетъ Министерства финансовъ, выведено было новое трехсторонее прекрасное строеніе, въ которомъ нынѣ сосредоточена большая часть принадлежностей Академіи.

Такимъ образомъ мало по малу достигались предположенія и приходили къ исполненію главнѣйшія желанія Президента. Онъ уже заранѣе готовился открыть въ удобныхъ помѣщеніяхъ, въ полнотѣ и стройно разположенныя собранія пособій по всѣмъ наукамъ. И дѣйствительно: неусыпными стараніями его, подъ его личнымъ бдительнымъ надзоромъ, въ продолженіе немногихъ лѣтъ, Академія явилась преобразованною, какъ по успѣхамъ умственныхъ занятій, такъ и по богатству и правильности внѣшняго устройства. Безъ благоразумныхъ распоряженій Начальника и оборотовъ по хозяйственной части, правильно имъ обдуманныхъ, не могла бы она собственными средствами принять этотъ видъ цвѣтущій и дѣятельности полный.

Въ тоже время постоянно озабоченъ былъ Президентъ недокончennостію важнѣйшихъ внутреннихъ частей главнаго зданія. Отъ ихъ отдѣлки зависѣло исполненіе одной изъ самыхъ любимыхъ его мыслей, открытіе ежегодныхъ публичныхъ собраній Академіи. Введенная имъ бережливость въ постоянныхъ

расходахъ и правильное теченіе всѣхъ хозяйственныхъ дѣлъ не остались безъ благихъ послѣдствій. Съ каждымъ годомъ остатки экономическихъ суммъ видимо возрастали, такъ, что въ 1825 году можно было приступить къ отдѣлкѣ большой залы и смѣжныхъ съ нею комнатъ. На производство работъ и другія при этомъ случаѣ издержки Академія употребила изъ своего капитала слишкомъ 10 т. рублей.

Чтобы не возвращаться къ матеріальнымъ улучшеніямъ, впрочемъ не менѣе важнымъ и необходимымъ, какъ и пробужденіе нравственныхъ силъ, надобно здѣсь прибавить, что стараніями Президента въ 1829 году Академія, для устройства и помѣщенія типографіи своей, безъ сомнѣнія первой въ здѣшней столицѣ по обширности, полнотѣ и прочимъ совершенствамъ всѣхъ ея принадлежностей, пріобрѣла особый прекрасный домъ, находящійся на Васильевскомъ же острову въ 9-ой линіи, заплативъ за него изъ своихъ хозяйственныхъ суммъ 120 т. рублей.

По мѣрѣ приближенія историческаго для Академіи дня, въ который должно было совершиться первое столѣтіе ея существованія, Президентъ не упускалъ изъ виду ни одного случая къ доставленію ей новыхъ существенныхъ улучшеній. Онъ глубоко сознавалъ, что первостепенному ученому учрежденію такой Имперіи, какъ Россія, надлежало наконецъ явиться передъ глазами просвѣщенныхъ судей въ полномъ блескѣ ученыхъ сокровищъ, на степени, достойной современнаго состоянія наукъ. Непрерывное обогащеніе кабинетовъ и музеумовъ дѣятельностію и усердіемъ Академиковъ, которыхъ онъ умѣлъ одушевлять собственнымъ примѣромъ, часто получало приращенія извнѣ совсѣмъ неожиданныя и самыя счастливыя. Въ 1823 году, по смерти Графа Сухтелена, для Академіи куплена была на счетъ экономической ея суммы за 50 т. рублей знаменитая его коллекція медалей и древнихъ монетъ. На слѣдующій годъ для Азіатскаго музеума пріобрѣтено за 15 т. франковъ у Барона Сильвестра де Саси 200 Восточныхъ манускриптовъ. Въ 1825 году ботаническій кабинетъ пополненъ былъ покупкою за 4 т. рублей извѣстнаго гербарія изъ имѣнія Графа Разумовскаго Горенки, а Египетскій музеумъ увеличился пріобрѣтеніемъ у Г. Кастильоне за 40 т. рублей собранія Египетскихъ древностей. Изъ Крыма

Академикъ Пандеръ и изъ Бразиліи Академикъ Лангсдорфъ сообщали нѣсколько разъ замѣчательнѣйшія собранія предметовъ натуральной исторіи. Академики Френъ и Грефе, каждый по своей части, со времени вступленія своего въ Академію, поощряемые живымъ участіемъ Президента въ ихъ занятіяхъ, неусыпно обогащали новыми пріобрѣтеніями и библіотеку и коллекціи своихъ кабинетовъ. Графъ С. С. Уваровъ внимательно слѣдовалъ за всѣми работами ученыхъ сотрудниковъ своихъ и посѣщалъ Академію во всякое время. Онъ даже избралъ тамъ небольшую комнату для постоянныхъ пріѣздовъ своихъ, которая, какъ упоминаетъ въ одной изъ Записокъ покойный Непремѣнный Секретарь, и послѣ долго у нихъ всѣхъ извѣстна была по преданію подъ именемъ Президентскаго кабинета.

Въ эпоху, здѣсь описываемую, составъ Академіи пополненъ былъ избраніемъ новыхъ Академиковъ: въ лицѣ Триніуса ботаника пріобрѣла дѣятеля ревностнаго и обладавшаго разносторонними обширными свѣдѣніями, а для прикладной математики и физики явился Парротъ, достойный ихъ представитель. Самъ Президентъ, посреди административныхъ и хозяйственныхъ заботъ, не прекращалъ своихъ кабинетныхъ занятій. Его академическая Записка на Французскомъ языкѣ «О Греческихъ Трагикахъ» была представлена въ общее Собраніе и прочитана въ немъ 24 Ноября 1824 года. Совмѣстивши на общей картинѣ столько событій, измѣненій и дѣйствій, наполняющихъ собою первыя восемь лѣтъ управленія Академіей Графа С. С. Уварова, нельзя удивляться, что празднованіе столѣтія Академіи показало ее въ блескѣ изумительномъ и привлекло къ ней полное благоволеніе Всемилостивѣйшаго Государя, котораго царствованіе было для нея счастливѣйшимъ и блистательнѣйшимъ періодомъ.

XI.

Извѣстно, что учрежденіе Академіи, по плану, составленному Петромъ Великимъ въ послѣдній годъ его царствованія, состоялось въ 21 день Декабря 1725 года при Императрицѣ Екатеринѣ I. Въ томъ же году 27 Декабря было первое публич-

ное собраніе въ Академіи, а второе, удостоенное личнаго присутствія Императрицы, 1 Августа 1726 года. Пятидесятилѣтіе свое Академія праздновала 29 Декабря 1776 года, и это полувѣковое торжество Императрица Екатерина II предположила осчастливить высокимъ своимъ присутствіемъ. Такимъ образомъ 29-е Декабря принято Академіею навсегда какъ день ежегодныхъ ея публичныхъ собраній.

О празднованіи столѣтія Президентъ упомянулъ въ первый разъ 3 Мая 1826 года въ Общемъ Собраніи. Послѣ онъ учредилъ изъ Академиковъ особый комитетъ, который долженъ былъ на его утвержденіе представить подробности своихъ соображеній. Распорядившись предварительно, Президентъ, отъ имени Академіи, просилъ Министра народнаго просвѣщенія Адмирала Шишкова исходатайствовать у Государя Императора всемилостивѣйшее дозволеніе предстать предъ Его Величество депутаціи Академиковъ со всеподданнѣйшею просьбой, чтобы Августѣйшій Покровитель Академіи осчастливилъ высокимъ посѣщеніемъ своимъ празднованіе ея столѣтія, на что и воспослѣдовало соизволеніе Его Императорскаго Величества. 26 Декабря, депутація, которую составляли Президентъ, Академикъ Шторхъ и Непремѣнный Секретарь Фусъ (Павелъ), въ предшествіи Министра просвѣщенія, введена была Оберъ-Камергеромъ Графомъ Литтою и удостоена торжественной аудіенціи Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государынями Императрицами Александрою Ѳеодоровной и Маріею Ѳеодоровной. Милостивый пріемъ, котораго удостоилась просьба депутаціи, внушилъ ей смѣлость выразить желаніе, сколько бы Академія была счастлива, если бы ей дозволено было украсить списокъ почетныхъ Членовъ своихъ Августѣйшими именами Государей Великихъ Князей: Наслѣдника престола, Константина Павловича и Михаила Павловича. Его Величество не только соизволилъ на это, но и выразилъ желаніе видѣть собственное свое имя въ числѣ именъ почетныхъ Членовъ Академіи. Съ тѣмъ же снисхожденіемъ разрѣшено было депутаціи поднести дипломъ на это званіе Его Величеству Королю Прусскому.

29 Декабря, утромъ, въ половинѣ 12-го часа, Августѣйшіе Гости изволили прибыть въ Академію, и у подъѣзда встрѣчены

были тою же депутацією. Въ большой академической залѣ находились особы высшаго духовенства, дипломатическій корпусъ, почетные Члены Академіи, Профессоры Санктпетербургскаго Университета и всѣ почетныя особы столицы. Академики, каждый поимянно, представлены были Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Президентъ за долгъ почелъ самъ открыть засѣданіе рѣчью на Русскомъ языкѣ. При всѣхъ торжественныхъ случаяхъ онъ являлся какъ одинъ изъ искуснѣйшихъ у насъ ораторовъ. По этому можно представить, какъ былъ онъ одушевленъ, конечно, въ счастливѣйшія минуты своей жизни. Передъ лицемъ Государя, который болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ благоговѣлъ къ памяти Петра Великаго, Президенту надобно было начать рѣчь свою съ воспоминанія объ Основателѣ Академіи.

«Празднуемое нынѣ столѣтіе Санктпетербургской Академіи Наукъ (говорилъ онъ) представляетъ не только торжество перваго хранилища отечественнаго просвѣщенія, но возобновляетъ еще въ одно время всѣ великія воспоминанія истекшаго столѣтія. Академія наукъ, послѣдняя мысль, послѣднее твореніе неутомимаго генія Петра Великаго, коей онъ умирающей рукою начерталъ завѣтъ своихъ высокихъ предназначеній, взяла, такъ сказать, свое начало на смертномъ одрѣ мудраго Преобразователя Россіи. Сія мысль даетъ сегодняшнему празднеству нашему какую-то особую черту умиленія, и сближаетъ насъ мгновенно съ событіями, наполняющими лѣтописи сего знаменитаго столѣтія. Въ глубокихъ размышленіяхъ своихъ о славѣ и благоденствіи Россіи, Петръ I увидѣлъ, какое мѣсто искуства и науки занимаютъ въ бытіи народа могущественнаго. Сильная десница, пріобыкшая поперемѣнно владѣть мечемъ и трезубцемъ, держать бразды правленія и разсѣвать по обширной имперіи сѣмена будущаго ея величія, десница, образовавшая всѣ части государственнаго состава, озарила наконецъ факеломъ наукъ и просвѣщенія величественное твореніе свое. Петръ, странствуя по Европѣ, видѣлъ вліяніе наукъ и художествъ на судьбу государствъ; постигъ, что безъ сильнаго ихъ содѣйствія не довершился бы исполинскій его трудъ; онъ видѣлъ, что просвѣщеніе, сліявшись съ жизнію Европейскихъ народовъ, составляетъ одно изъ не-

обходимыхъ началъ обществъ образованныхъ и долговѣчныхъ. Онъ рѣшился похитить для насъ искру дивнаго огня, коимъ давно гордились цвѣтущія страны Европы, и на берегахъ Невы воздвигнуть святилище наукъ, долженствующее распространить до отдаленныхъ предѣловъ Россіи знанія общеполезныя, и возродить въ умахъ стремленіе къ мирнымъ подвигамъ на поприщѣ гражданскаго достоинства: онъ основалъ Академію Наукъ.»

Обозначивъ краткими, но характеристическими чертами состояніе Академіи въ продолженіе столѣтія подъ благотворнымъ покровительствомъ преемниковъ ея Основателя, ораторъ въ заключеніи говоритъ: «Если не разрывается смертію все, связующее тлѣнное съ безсмертнымъ, бѣдную, мимотекущую жизнь съ жилищемъ безконечнаго, совершеннѣйшаго бытія; если чувства сердецъ высокихъ и чистыхъ, горящихъ святымъ огнемъ любви къ своему народу, обращаясь къ источнику вѣчной любви, тамъ не исчезаютъ: то духъ Петра, духъ Екатерины и Александра парятъ конечно въ сей часъ надъ симъ святилищемъ наукъ, ими воздвигнутымъ, ими хранимымъ; кажется, будто сей храмъ просвѣщенія наполняется мгновенно всѣми отличными мужами, которые, въ теченіи достопамятнѣйшаго столѣтія нашей Исторіи, были орудіями великихъ Монарховъ и украсили отечество неувядаемымъ лавромъ любви къ наукамъ и доблести гражданской.»

XII.

Рѣчь Президента, какъ и надобно было ожидать, произвела на слушателей впечатлѣніе сильное и глубокое. Въ слѣдъ за тѣмъ Непремѣнный Секретарь представилъ на Французскомъ языкѣ обозрѣніе трудовъ Академіи въ теченіе столѣтняго ея существованія, вліяніе ихъ на успѣхи наукъ и на точнѣйшее изученіе нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, присовокупивъ отчетъ о состояніи академическихъ музеумовъ, которые или вновь заведены, или значительно пополнены въ послѣдніе годы.

По окончаніи этого чтенія Президентъ имѣлъ счастіе поднести Государю Императору и всѣмъ Особамъ Императорской Фамиліи по экземпляру золотой медали выбитой на память

счастливѣйшаго для Академіи торжества, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Государя Императора, а на другой Минервы съ ея аттрибутами, увѣнчивающей бюсты Императоровъ Петра I и Александра I. Между тѣмъ Непремѣнный Секретарь приготовился къ новому чтенію, которое состояло въ провозглашеніи задачъ, предлагаемыхъ Академіею, премій за удовлетворительное ихъ рѣшеніе, и именъ новыхъ почетныхъ Членовъ и корреспондентовъ Академіи.

Это историческое торжество окончено было благодарственною рѣчью Академика Шторха на Французскомъ языкѣ. При ея чтеніи всѣ были невольно растроганы слѣдующими словами: «Чувство умиленія проникаетъ намъ въ душу при видѣ Августѣйшей Матери нашихъ Императоровъ. Нѣкогда, при пятидесятилѣтнемъ праздникѣ Академіи, бывъ еще Великою Княгинею, Государыня изволила присутствовать въ собраніи, подобномъ нынѣшнему. Провидѣнію угодно было, въ знакъ особеннаго къ намъ благоволенія, сохранить дни Ея до новаго торжества Академіи, здѣсь насъ соединившаго нынѣ: рѣдкой и трогательной образецъ жизни, среди земнаго величія посвященной высшимъ добродѣтелямъ! Да процвѣтаетъ же еще долго эта жизнь, столь милая Императорскому Семейству и столь драгоцѣнная человѣчеству, которое обрѣло въ ней могущественную и благороднѣйшую подпору!»

Характеръ и все совершеніе этого праздника, какъ нельзя вѣрнѣе, выражаютъ умъ, вкусъ и распорядительность Президента. Надобно просмотрѣть всѣ бумаги, относящіяся къ этой эпохѣ, чтобы вполнѣ почувствовать, сколько было въ немъ любви къ достоинству и чести Академіи, сколько было знанія въ исполненіи каждой мысли. Но болѣе всего поражаютъ истинно художественными совершенствами тѣ письма, при которыхъ онъ препровождалъ отсутствующимъ новымъ почетнымъ Членамъ Академіи экземпляры описанія бывшаго торжества и выбитую на этотъ случай медаль.

Нельзя довольно надивиться, сколько выражалъ Графъ С. С. Уваровъ стремленія къ тому, чтобы незыблемо стоять на поприщѣ истинно ученаго и писателя по призванію. Вникая въ нѣкоторыя мѣста изъ академическихъ его Записокъ, невольно

начинаешь думать, что онъ дорожилъ званіемъ Академика болѣе, нежели Президента. Въ названной выше Запискѣ его «О Греческихъ Трагикахъ» онъ говоритъ между прочимъ: «Представляю на благосклонный судъ Академіи этотъ очеркъ, наскоро составленный, хотя самый предметъ требовалъ обширнаго развитія. Я чувствую, какъ онъ слабъ и безцвѣтенъ сравнительно съ тою картиною, которая была у меня передъ глазами. Но, желая исполнить то, чего ожидаетъ отъ меня знаменитое собраніе, котораго я имѣю честь быть Президентомъ, поспѣшаю убѣдить его, что занятія науками и собесѣдованіе съ музами всегда будутъ для меня первымъ долгомъ: ante omnia Musae.»

Полная преданность его ученымъ занятіямъ и благородное стремленіе къ снисканію авторской извѣстности, не для многихъ заманчивой, хотя бы это была даже слава, представляютъ въ немъ примѣръ, не часто повторяющійся въ біографіяхъ особъ его сана и состоянія. По для Академіи открылось много благихъ послѣдствій отъ этого настроенія его души. То, что совершилось въ Академіи при его управленіи до празднованія столѣтія, оказалось только удачнымъ началомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало по окончаніи этого періода. Важнѣйшею и неоцѣненною выгодою назвать должно всеобщее убѣжденіе, что Академія справедливо занимаетъ между учеными учрежденіями первое мѣсто въ Имперіи. Ея отношенія къ публикѣ пріобрѣли постоянство, твердость и достоинство. Сословіе истинно ученыхъ людей признало для себя особенную честъ и опору во мнѣніи и приговорахъ Академіи. Публичныя въ ней собранія получили неизмѣнный порядокъ и правильность. Ежегодно представляемые въ нихъ отчеты о состояніи и дѣятельности Академіи возбуждаютъ всеобщее участіе и поддерживаютъ любознательность, столь необходимую для достоинства націи. Но важнѣе всего было высокое вниманіе и полная довѣренность, которыхъ началъ удостоивать съ этой эпохи Академію Государь Императоръ. Его Величество всемилостивѣйше поощрялъ ее всѣми средствами къ дальнѣйшимъ успѣхамъ и подавалъ способы къ процвѣтанію.

Возвышенная столь благопріятными обстоятельствами Академія неуклонно и твердо пошла по пути высшаго самостоятельнаго учрежденія. На слѣдующій же годъ, празднуя день рож-

денія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 14 Октября, она имѣла счастіе поднести Ея Величеству золотую медаль, выбитую ею для увѣковѣченія достопамятнаго событія, что Государыня изволила присутствовать на пятидесятилѣтіи, 1776, и на столѣтіи Академіи, 1826 года. Изображеніе высокаго чувства признательности, переданное Императрицею Академіи въ рескриптѣ Министру Просвѣщенія, останется также памятникомъ управленія Президента. «Подъ вліяніемъ тѣхъ пріятнѣйшихъ ощущеній «(такъ начинается рескриптъ), которыя выражены мною въ ре«скриптѣ къ вамъ отъ 15 Октября, я желала найти лучшее «средство оставить въ Академіи Наукъ память о моей призна«тельности, и полагаю, что вѣрнѣе всего достигну этой цѣли, «передавши на храненіе въ Академію опыты собственной моей «работы, посвященной памяти знаменитыхъ Покровителей этого «ученаго учрежденія. И такъ я препровождаю къ вамъ по экзем«пляру двухъ медалей, выбитыхъ штемпелями, мною вырѣзан«ными, и на которыхъ изображены блаженной памяти Импера«торы, мой Супругъ и возлюбленный мой Сынъ. Прошу васъ «передать ихъ въ Академію Наукъ въ удостовѣреніе моего къ «ней участія и искренней признательности.»

XIII.

Періодъ послѣ празднованія Академіею столѣтія до вступленія Президента въ управленіе Министерствомъ народнаго просвѣщенія заключаетъ въ себѣ шесть лѣтъ. Онъ замѣчателенъ назначеніемъ множества новыхъ лицъ въ званіе Академиковъ, что сообщило дѣятельности Академіи полезное обновленіе и силу. Шесть новыхъ Академиковъ избраны были въ 1828 году: по части зоологіи Беръ, по минералогіи Купферъ, по чистой математикѣ Буняковскій, по физикѣ Ленцъ, по прикладной математикѣ Остроградскій и по химіи Гессъ. Ученые труды ихъ, столь извѣстные всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, непреложно свидѣтельствуютъ о безошибочномъ взглядѣ Президента на степень, объемъ и призваніе дарованій. Въ слѣдующемъ году еще четыре дѣятеля вступили въ Академію: по части технологіи, приноровленной къ искуствамъ и ремесламъ, Гамель, по бо-

таникѣ Мертенсъ, по филологіи и исторіи народовъ средней Азіи Шмитъ и по части древностей и исторіи Россіи Шегренъ. Такимъ образомъ отдѣленіе филологіи, нѣкогда чуждое Академіи, и долго послѣ того слишкомъ ограниченое, нынѣ начало развиваться, приготовляя необходимые матеріады для успѣховъ исторіи. По случаю отбытія на нѣкоторое время Академика Бера избранъ былъ по зоологіи Брандтъ въ 1830 году. Тогда же по ботаникѣ назначенъ Бонгардъ. Наконецъ въ 1832 году, почетный Членъ Академіи, астрономъ Струве принялъ на себя обязанности дѣйствительнаго ея Члена. Въ одно съ нимъ время, для занятій Персидскою литературою, избранъ оріенталистъ Шармуа. При такомъ движеніи и разнообразіи ученыхъ предпріятій, сопровождавшихъ эти избранія, Президентъ Академіи употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить ихъ плоды на общественную пользу.

Ученыя путешествія, предпринимаемыя на иждивеніи Академіи, издавна признаваемы были важнѣйшею ея заслугою Правительству и націи. Положительныя и вѣрныя свѣдѣнія, собираемыя въ странахъ отдаленныхъ, равно какъ и въ нѣдрахъ обширнаго отечества нашего, вносили во всѣ отрасли историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ безцѣнныя сокровища, которыхъ польза распространялась на цѣлый просвѣщенный міръ. Эти путешествія постоянно входили въ соображенія Президента, когда только могъ онъ разсчитывать на полученіе несомнѣнной выгоды для наукъ. Снаряженная еще по повелѣнію Императора Александра Павловича экспедиція для описанія морскихъ береговъ Азіи и Америки въ Русскихъ владѣніяхъ и для точнѣйшаго обозначенія небольшихъ острововъ въ сѣверной части Тихаго Океана отправилась по своему назначенію въ 1826 году подъ начальствомъ столь извѣстнаго мореходца, нынѣ Адмирала Литке. Для ученыхъ наблюденій Академіею отправленъ былъ при этой экспедиціи молодой натуралистъ Мертенсъ, обогащенный предварительными свѣдѣніями и полный любви къ изысканіямъ по части ботаники и другихъ отраслей натуральной исторіи. Онъ возвратился изъ путешествія въ 1829 году, доставивъ Академіи собраніе истинно рѣдкихъ сокровищъ по всѣмъ частямъ естествословія и этнографіи, что

и доставило ему честь поступить въ число дѣйствительныхъ Членовъ Академіи.

Путешествіе, болѣе достопамятное и болѣе обильное важными послѣдствіями для изученія отечества въ историко-филологическомъ отношеніи, Президентъ устроилъ въ 1828 году. Онъ умѣлъ воспользоваться предположеніями, обнародованными археографомъ Строевымъ касательно осмотра старинныхъ Русскихъ библіотекъ, издавна сохраняющихъ памятники древней письменности нашей. Требовавшіеся для приведенія въ дѣйствіе этого предположенія значительные денежные способы Президентъ предложилъ путешественнику отъ Академіи, съ тѣмъ, чтобы отъ ея оцѣнки и усмотрѣнія зависѣли разборъ и обнародованіе рукописей. Всѣмъ извѣстны плоды этого въ высокой степени важнаго распоряженія. Драгоцѣнные матеріалы для составленія древней статистики Россіи, прежнихъ ея законовъ, исторіи православной Церкви, іерархіи и монастырей, славянской библіографіи и старинной литературы, наконецъ для біографическихъ, археологическихъ, палеографическихъ и другихъ ученыхъ записокъ собраны были экспедиціею въ такомъ обиліи, что превзошли ожиданія Академіи и Президента ея. По мѣрѣ накопленія сокровищъ, величественнѣе и яснѣе началъ развиваться самый планъ ихъ изданія, которое, получивъ окончательно устроенный ходъ, продолжается донынѣ, но уже въ вѣдѣніи, оказавшейся необходимою, особой Археографической коммиссіи, въ 1837 году учрежденной по повелѣнію блаженной памяти Императора Николая Павловича. Такъ изъ мгновенной, по счастливо блеснувшей мысли Президента Академіи образовалась у насъ новая отрасль изученія исторіи.

Кавказская ученая экспедиція, отправленная въ 1829 году для изслѣдованій по части физики и натуральной исторіи, остается равнымъ образомъ въ числѣ памятниковъ управленія Академіею Графа С. С. Уварова. Членами ея были достойные почетнаго назначенія своего ученые: Купферъ, Ленцъ, Мейеръ и Менетріэ. Все, что только можно было подвергнуть внимательному разсмотрѣнію и тонкой пытливости жаднаго новыхъ свѣдѣній ума, все, чѣмъ на каждомъ шагу возбуждается высшая любознательность въ краю, столь обильномъ чудесами природы, ко-

торой загадочные феномены еще не изслѣдованы, все принято было въ соображеніе при составленіи плана экспедиціи. Она, въ подробныхъ, полныхъ отчетливости и занимательности донесеніяхъ, представила Академіи и ученому свѣту самые удовлетворительные выводы касательно дѣйствій земнаго магнетизма, барометрическаго измѣренія высотъ, разности температуры источниковъ на разныхъ высотахъ горъ, геогностическихъ наблюденій, окаменѣлостей животнаго и растительнаго царства, касательно прозябаемости въ равнинахъ и на горахъ, зоологіи внутренняго Кавказа и множества другихъ предметовъ. Отважному восхожденію Академика Ленца на Эльборусъ всѣ обязаны за точное опредѣленіе высоты этой горы, подымающейся надъ уровнемъ моря на 15,400 футовъ.

Не менѣе достойно замѣчанія, что Президентъ постоянно изъявлялъ готовность способствовать отъ имени Академіи изданію путешествій, которыя съ ученой цѣлію совершены были лицами, не принадлежавшими сословію Академиковъ, но послѣ вошедшими въ него въ слѣдствіе своихъ отличныхъ успѣховъ на ученомъ поприщѣ. Такимъ образомъ явились: геогностическое путешествіе на Уралъ Купфера, филологическія изслѣдованія Шегрена, объѣхавшаго значительную часть населеній Финскихъ, и описаніе многократныхъ поѣздовъ Гесса по отдаленной части Сибири.

Въ 1829 году, по усмотрѣнію Президента, начались въ Академіи отдѣльныя собранія Членовъ физико-математическаго и историко-филологическаго Отдѣленій, что вызвало печатаніе продолжающагося донынѣ столь полезнаго изданія «Ученыхъ Записокъ» по каждому изъ нихъ. Вообще исторія успѣховъ Академіи въ продолженіе управленія ею Графомъ С. С. Уваровымъ, въ какомъ бы отношеніи ни была разсматриваема, постоянно приводитъ къ его во всемъ участію и содѣйствію. Изложенныя событія такъ гласны, а благотворныя ихъ послѣдствія еще такъ ощутительны, что всякое поясненіе ихъ важности и пользы становится излишнимъ.

XIV.

Вникая въ причины и побужденія, по которымъ даже извнѣ обстанавливалась Академія монументальными учрежденіями, навѣкъ связанными съ исторіею просвѣщенія въ Россіи, необходимо возвращаешься къ этому же періоду, давшему ей значеніе центральнаго мѣста ученыхъ предпріятій.

Съ 1831 года существуетъ въ Россіи Демидовскій конкурсъ, котораго распорядительницею учредитель избралъ Академію. Это благородное поощреніе ученыхъ трудовъ, особенной дѣятельности талантовъ и образованности, обращенныхъ на общественную пользу, этотъ торжественный вызовъ на единоборство, окрыляющее полетъ ума и просвѣщенія, уже оправдали передъ глазами свѣта великое свое значеніе. Благотворное дѣйствіе конкурса, ежегодно открывающагося въ теченіе четверти столѣтія, возбудило и окончательно рѣшило много вопросовъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Число сочиненій, признаваемыхъ достойными вступить на конкурсѣ въ состязаніе съ другими, такъ возрастаетъ съ году на годъ, что Русская ученая литература въ правѣ начать, со времени этого учрежденія, отдѣльный, блистательнѣйшій періодъ въ своей исторіи. Изданные Академіею отчеты о присужденіи наградъ заключаютъ въ себѣ такіе образцы разборовъ, которыхъ чтеніе вполнѣ можетъ утвердить мысли объ истинномъ совершенствѣ ученыхъ воззрѣній на всѣ почти предметы наукъ.

Въ быстромъ и ясномъ соображеніи Президента Академіи живо возникнули эти важныя послѣдствія конкурса при самомъ его открытіи. Не удивительно, что онъ встрѣтилъ его не только съ любовію и участіемъ Академика, но и съ особенною торжественностію государственнаго человѣка. Въ публичномъ собраніи Академіи, передъ чтеніемъ общаго отчета о первомъ присужденіи наградъ, онъ произнесъ рѣчь, исполненную разносторонннхъ взглядовъ на новое призваніе Академіи. Въ заключеніи своей рѣчи онъ сводитъ ея содержаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Академія, отдавая справедливость твореніямъ, ей представленнымъ, оцѣнила ихъ и по собственному достоинству, и по выбору предмета, и по положенію, въ которомъ находится у насъ

наука, къ коей онѣ принадлежатъ. Она не почитала себя въ правѣ оставлять безъ вниманія и такіе опыты, которые обѣщаютъ впредь новые совершеннѣйшіе труды. Она преимущественно искала въ нихъ примѣненія къ Россіи и практической пользы согражданъ. Отдавая вамъ, Мм. Гг., отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, мы будемъ ожидать приговора публики; и тогда подвигъ Г. Демидова принесетъ желаемую пользу, когда ваше сужденіе подкрѣпитъ и утвердитъ сужденіе наше.»

Сооруженіе центральной въ Россіи обсерваторіи, въ память Августѣйшаго ея Основателя названной нынѣ Николаевскою, началось въ 1833 году, когда Президентъ Академіи уже призванъ былъ къ управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Но Высочайшая воля относительно этого предмета была изъявлена при его предмѣстникѣ, Князѣ Ливенѣ. Первоначальная мысль о построеніи въ Санктпетербургѣ новой обсерваторіи, во всѣхъ отношеніяхъ достойной обширнаго и могущественнаго государства, является въ исторіи великихъ учрежденій нашихъ на пользу наукъ еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Естественно, что Академія наукъ, въ теченіе послѣдующихъ царствованій, постоянно обращалась къ этой мысли. Всѣ мѣры, принимаемыя его къ улучшенію старой обсерваторіи, всѣ пособія, отъ щедротъ Императоровъ Александра Павловича и Николая Павловича полученныя ею прежде послѣдней эпохи, не могли довести успѣховъ одной изъ важнѣйшихъ для государства наукъ до современнаго ея состоянія. Мѣстность и самое устройство зданія полагали непреодолимыя къ тому препятствія. Вѣнценосный Покровитель Авадеміи, лично удостовѣрившись въ превосходномъ состояніи другихъ ея частей, самъ удостоилъ замыслить устроеніе такого зданія для обсерваторіи, которое бы стройностію и совершенствомъ всѣхъ своихъ принадлежностей изумило потомство. Императоръ Николай Павловичъ изволилъ остановить вниманіе на новой мѣстности, которая, какъ послѣ усмотрѣно въ бумагахъ Академіи, занимала воображеніе знаменитаго нашего астронома Румовскаго. Пулковская гора представляла всѣ удобства для осуществленія великой Царственной мысли. Къ довершенію Высочайшаго благоволенія, Государю угодно было предварительно разрѣшить неограниченное число

издержекъ, какія только потребуются на достойное исполненіе этого предпріятія.

Президентъ Академіи, въ вѣдѣніе которой Его Величество передавалъ возникающее и уже любимое свое учрежденіе, съ благоговѣніемъ и вѣрноподданническимъ усердіемъ приступилъ къ исполненію священной воли Монарха. Прежде всего онъ образовалъ ученую коммиссію, которая обязана была войти въ подробности какъ устройства новой обсерваторіи, такъ и снабженія ея совершеннѣйшими пособіями. Непосредственное участіе Графа С. С. Уварова во всемъ, что только касалось этого историческаго дѣла, продолжавшагося болѣе шести лѣтъ, и потребовавшаго на свое окончаніе 2.100.500 р. ас., или 600.000 р. с., не считая двадцати десятинъ земли, Всемилостивѣйше пожалованной Академіи, остается безъ всякаго сомнѣнія, какъ неоспоримое его право на блистательную страницу въ исторіи Русскаго просвѣщенія.

Кто прочиталъ сочиненіе Академика В. Я. Струве, котораго труды и имя давно содѣлались достояніемъ всей просвѣщенной Европы, изданное имъ на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Описаніе Пулковской центральной астрономической обсерваторіи,» тотъ вполнѣ могъ ознакомиться съ этимъ чуднымъ созданіемъ любви и щедротъ блаженной памяти Императора Николая Павловича, обильно излившихся на возвышеніе въ Россіи науки небесъ, и ясно могъ убѣдиться въ достоинствѣ и постоянствѣ благоразумныхъ по этому дѣлу распоряженій, лежавшихъ на Президентѣ Академіи. Знаменитый Біотъ, законный судья въ разсмотрѣніи подобнаго учрежденія, какъ самъ астрономъ и физикъ, говоритъ о нашей новой обсерваторіи съ истинно-поэтическимъ увлеченіемъ (Journal des Savants. 1847). Вотъ его слова, въ которыхъ такъ рельефно отразилось все, заслуживающее тамъ вниманіе.

«Представьте себѣ обширную равнину, и на ней, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ многолюдной столицы, посреди открытаго со всѣхъ сторонъ горизонта, небольшое возвышеніе, котораго покатости покрыты нѣсколькими группами деревьевъ, и которое обнимаетъ около 20 десятинъ. Туда не достигаютъ ни пыль большихъ дорогъ, ни туманы, поднимающіеся иногда надъ

Невою и окрестными болотами; тамъ все тихо и спокойно. Вотъ чудесное мѣсто для обсерваторіи! Теперь, давъ свободу мечтамъ философа Платона, предположимъ, что намъ вздумалось бы основать тамъ царство Уранін, астрономическую колонію. Построимъ прежде всего огромную обсерваторію, которой архитектура, благородная и величественная, соотвѣтствовала бы достоинству и потребностямъ великой науки. Совокупимъ здѣсь прекраснѣйшіе, богатѣйшіе въ мірѣ инструменты. Поселимъ тамъ астрономовъ молодыхъ, дѣятельныхъ, преданныхъ изученію неба по собственному влеченію и по долгу званія. Но чтобы порядокъ господствовалъ въ ихъ занятіяхъ, чтобы всѣ заодно, безъ соперничества, содѣйствовали къ образованію благолѣпнаго цѣлаго, дадимъ имъ главу, руководителя, начальника. Въ этотъ санъ возведемъ человѣка, который нравственно уже былъ бы во мнѣніи всѣхъ глава и начальникъ; котораго дарованія, заслуги и усердіе къ наукѣ давали бы ему полное право на подобное отличіе. При этихъ достоинствахъ, всѣ будутъ ему друзьями, и самъ онъ почтетъ для себя счастіемъ способствовать къ особымъ ученымъ изысканіямъ каждаго изъ нихъ, какъ скоро эти изысканія предпринимаются безъ нарушенія общихъ обязанностей. Такая должность требуетъ постояннаго присутствія, ежеминутнаго прилѣжанія и личнаго участія въ трудахъ, подлежащихъ управленію. На это нуженъ человѣкъ весь вполнѣ. Посему мы запретимъ нашему директору принимать на себя всякую другую должность, частную или государственную, за исключеніемъ званія академика, которое будетъ какъ бы свидѣтельствомъ его ученой жизни. При столь стѣснительномъ условіи, нужно вознаградить его жалованьемъ не въ примѣръ другимъ, такъ, чтобы онъ, если Богъ надѣлитъ его благоразуміемъ въ желаніяхъ, и при одномъ этомъ мѣстѣ, считалъ положеніе свое болѣе выгоднымъ, нежели слишкомъ ограниченнымъ.

«Надобно еще пристроить и нашихъ колонистовъ. Чтобъ имъ жить здѣсь и трудиться было охотно и весело, выстроимъ для нихъ помѣщенія удобныя и красивыя, гдѣ каждый могъ бы отдѣльно благоденствовать съ своимъ семействомъ, ибо, для поощренія къ усидчивымъ трудамъ, благоразумно желать, чтобы дѣятели науки были женаты своевременно. Квартиры ихъ по-

мѣстимъ вдали отъ зданія, гдѣ будутъ производиться наблюденія, чтобъ оно не страдало отъ тѣснаго сосѣдства съ жилыми покоями. За то проведемъ отъ квартиръ къ главному зданію крытые, теплые переходы, по которымъ астрономы, днемъ и ночью, во всякое время года, могли бы проходить къ мѣсту своихъ подвиговъ сухо и удобно, не подвергаясь простудамъ. Кромѣ инструментовъ для наблюденій, они найдутъ еще въ этомъ зданіи богатую астрономическую библіотеку, и особенныя комнаты для занятій, огражденныя отъ помѣхъ со стороны климата. Одни только инструменты и залы для наблюденій будутъ по необходимости терпѣть стужу въ осеннее и зимнее время: того требуетъ ихъ назначеніе, и иначе быть нельзя. Земли у нихъ довольно; такъ отведемъ еще каждому садъ и огородъ. Тогда наши ученые, съ своими семействами, составятъ между собою какъ бы отдѣльный міръ, живя въ сферѣ одинаковыхъ идей, дружескихъ чувствъ. Они будутъ подвизаться на поприщѣ одинаковыхъ трудовъ, для которыхъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и при иныхъ условіяхъ жизни не могли бы исполнить, и которыхъ наградою будетъ достойно заслуженная слава. Но, чтобъ они дорожили своимъ положеніемъ, и съ каждымъ днемъ болѣе къ нему пристращались, не должно ихъ ученаго общества совсѣмъ отчуждать отъ свѣта: поощреніе и участіе нужны имъ для подкрѣпленія бодрости духа. Однажды въ годъ, по меньшей мѣрѣ, директоръ представитъ Академіи наукъ отчетъ въ дѣйствіяхъ и успѣхахъ обсерваторіи. Всѣ труды астрономовъ будутъ пересказаны, да и сами они будутъ присутствовать въ этихъ засѣданіяхъ, какъ члены, или какъ ученые гости: для чего, по отдаленности города и для необходимыхъ имъ туда переѣздовъ, назначить имъ содержаніе не скудное, которое давало бы имъ возможность покойнаго слѣдованія въ столицу по ученымъ надобностямъ. Эта роскошь заботливости и приличій нигдѣ доселѣ не являлась для подобной цѣли; но фантазія наша богата и всесильна: мечтѣ ничего не стоитъ тратить деньги для науки.

«— О! создали же вы утопію! — скажутъ намъ; — на ихдивеніи вашего воображенія, вы соорудили настоящее эльдорадо астрономіи! — «Оно дѣйствительно такъ можетъ показаться;

но, по истинѣ, я ничего тутъ не выдумываю; я только вѣрно представилъ главныя черты плана, устройства и устава, пожалованныхъ Пулковской обсерваторіи Россійскимъ Императоромъ.»

XV.

Изложеніе событій разсматриваемаго теперь періода, столь необыкновенныхъ и въ высочайшей степени важныхъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что собственные труды Президента и его управленіе по преимуществу способствовали ученому возвышенію Академіи. Послѣ празднества столѣтія Государь Императоръ не переставалъ признавать ее достойною быть вмѣстилищемъ и хранительницею всего драгоцѣннаго, что только относится къ наукамъ. Для приличнѣйшаго украшенія большой академической залы и на память благотвореній, изліянныхъ на Академію Августѣйшими ея Покровителями, Его Величество, на другой же день юбилея, изволилъ подарить Академіи четыре во весь ростъ портрета Императрицъ Екатерины I, Елисаветы, Екатерины II и Императора Павла. Въ 1827 году, Президентъ, въ торжественномъ собраніи Академіи, 29 Декабря, открывая его привѣтственною рѣчью, возвѣстилъ, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на дополнительные пункты къ регламенту Академіи и даровалъ ей новый штатъ, по которому, вмѣсто 120 т. руб., она впредь будетъ получать ежегодно 206,100 руб. «Таковыми благодѣяніями осыпанная (продолжаетъ Президентъ), достигаетъ Академія до степени лучшаго устройства. Она имѣетъ всѣ способы возбуждать въ сердцахъ соотечественниковъ порывъ къ ученой жизни. Ей предоставлены средства присоединять мужей, отличившихся между нами на поприщѣ наукъ, и наконецъ призывать таковыхъ и изъ дальнихъ краевъ. Если вѣкъ Елисаветы и Екатерины и донынѣ гордится приглашеніемъ Эйлера, Миллера, Шлёцера, Палласа, то благополучное царствованіе Николая I можетъ украситься именами достойныхъ подражателей ихъ и соперниковъ. Сверхъ сего, Академія, обезпеченная въ прочности своего существованія, будетъ обогащать всѣ свои коллекціи важными

пріобрѣтеніями: все оживится въ ея музеумахъ и въ ея библіотекѣ. Въ особенности обязана Академія обратиться къ продолженію тѣхъ ученыхъ путешествій, коимъ мы обязаны, смѣю сказать, всѣмъ, что знаемъ о географіи, статистикѣ и естественномъ положеніи отечества: но сколько странъ въ Россіи, сколько предметовъ ожидаютъ еще наблюдателей! Какой памятникъ славы и пользы можетъ еще соорудить Академія подъ десницею Николая!»

Въ 1828 году послѣдовало разрѣшеніе употребить Академіи изъ собственныхъ суммъ 25 т. рублей на лучшее устройство физическаго ея кабинета. Тогда же Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы музеумъ бывшаго адмиралтейскаго департамента переданъ былъ въ собственность Академіи. Въ Высочайшемъ рескриптѣ изображено, что Его Величество признаётъ болѣе приличнымъ и болѣе полезнымъ, чтобы эти рѣдкости, собранныя Русскими путешественниками во время кругосвѣтнаго плаванія ихъ, хранились въ Академіи Наукъ. Этотъ даръ доставилъ разнымъ музеумамъ Академіи болѣе 8 т. номеровъ самыхъ любопытныхъ предметовъ. Для обогащенія Азіатскаго музеума, по окончаніи Персидской войны, Всемилостивѣйше пожаловано Академіи медалей и монетъ Персидскихъ, золотыхъ и серебряныхъ, числомъ 633, а для химической лабораторіи и физическаго кабинета очищенной платины 20 фунтовъ. Сверхъ того, на пополненіе библіотеки и разныхъ коллекцій, разрѣшено было употребить экономическихъ суммъ Академіи 60 т. руб.

Минералогическій кабинетъ обогащенъ въ 1830 году равнымъ образомъ отъ щедротъ Императора. Его Величеству угодно было купить за 50 т. руб. рѣдкое собраніе минераловъ, составленное въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ знатокомъ и любителемъ науки, пребывающимъ въ Гамбургѣ Русскимъ Посланникомъ Струве. Самъ Гумбольтъ, разсмотрѣвъ эту коллекцію, призналъ ее богатѣйшею въ своемъ родѣ. Въ дополненіе сокровищъ, собранныхъ въ нумизматическомъ кабинетѣ Академіи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ, въ то же время, полное собраніе медалей, какія только на здѣшнемъ монетномъ дворѣ были выбиты въ послѣднія

три царствованія. Между ними найдено 20 золотыхъ и 78 серебряныхъ.

Въ 1831 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе касательно рукописей исторіографа Академика Миллера, который послѣдніе годы жизни своей провелъ въ Москвѣ, а потому и драгоцѣнныя портфели его, числомъ 95, сохранялись въ тамошнемъ архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Государь Императоръ изволилъ приказать передать ихъ, какъ одно изъ важнѣйшихъ ученыхъ пособій по Исторіи, въ Академію Наукъ. На слѣдующій годъ, въ вѣдѣніе ея, по Высочайшему повелѣнію, поступила Виленская обсерваторія, что послужило къ усиленію и разнообразію астрономическихъ наблюденій Академіи. Въ то же время всѣ кабинеты по части натуральной исторіи, оставшіеся въ Варшавѣ, вошли, по назначенію Его Величества, въ коллекцію Академіи, равно какъ и дублеты тамошняго нумизматическаго кабинета. Въ слѣдствіе послѣдняго обстоятельства, нумизматическій кабинетъ Академіи пріобрѣлъ рѣдкое собраніе древнихъ монетъ Греческихъ и Римскихъ. Въ заключеніе фактовъ этого періода, впрочемъ далеко не доведенныхъ до надлежащей полноты, но достаточно высказывающихъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ поставлена была предъ Его Величествомъ Академія постоянными усиліями Президента, надобно упомянуть о новомъ знакѣ Высочайшаго благоволенія къ Азіатскому музеуму. Съ необыкновеннымъ тщаніемъ, за самую высокую цѣну, составлено было въ Пекинѣ собраніе любопытнѣйшихъ этнографическихъ предметовъ сопровождавшимъ нашу миссію въ Китай Полковникомъ Ладыженскимъ. Государь Императоръ изволилъ пріобрѣсти это сокровище рѣдкостей за 28 т. руб. и подарилъ Академіи. Въ 23-хъ отдѣленіяхъ, на которыя разложена была вся коллекція, найдено 3500 предметовъ, которыхъ изученіе могло сообщить свѣдѣнія о современномъ состояніи гражданственности и промышленности Китайцевъ, о направленіи ихъ искуствъ, о видахъ ихъ роскоши, о порядкѣ ихъ чиноначалія, о костюмахъ ихъ и вооруженіи, объ ихъ увеселеніяхъ и религіозныхъ обрядахъ, о системѣ ихъ вѣсовъ, монетъ, мѣръ, и даже о степени ихъ успѣховъ въ нѣкоторыхъ наукахъ.

Всѣ исчисленныя здѣсь пополненія и улучшенія ученыхъ

пособій Академіи входятъ въ описаніе дѣятельности Президента, какъ благотворные плоды его заботливости и распоряженій, какъ послѣдствія его управленія Академіею. Къ числу собственныхъ ученыхъ трудовъ его этого времени относится Академическая его Записка, читанная въ общемъ собраніи 21 Марта 1831 года. Онъ разсматриваетъ Рѣчь, произнесенную Митрополитомъ Гермогеномъ по случаю коронованія Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, въ первый разъ найденную въ памятникахъ древней Русской словесности, собранныхъ Строевымъ.

XVI.

20 Марта 1833 года, Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Высочайше повелѣно Президенту Академіи Наукъ вступить въ управленіе Министерствомъ народнаго просвѣщенія. Академія не могла равнодушно принять это извѣстіе, будучи увѣрена, что новое положеніе Президента, оказавшаго ей столько участія и благорасположенія во всемъ, до нея касающемся, доставитъ ему новыя средства къ улучшенію и возвышенію ея состоянія. Между тѣмъ, не безъ основанія, она опасалась, что обширный кругъ административной дѣятельности, открывшійся передъ ея Президентомъ, не оставитъ ему времени и возможности присутствовать по прежнему въ собраніяхъ ея и украшать учеными трудами ея изданія. Однако же, къ полному счастію Академіи, послѣднее предположеніе ея оказалось столько же преждевременнымъ и напраснымъ, сколько первое справедливымъ. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, Непремѣнный Секретарь назначилъ экстраординарное собраніе и прочиталъ Членамъ его слѣдующее письмо Президента, адресованное на его имя.

«Обязанъ будучи постоянно присутствовать въ собраніяхъ Государственнаго Совѣта каждый понедѣльникъ, когда, по Уставу Академіи, бываютъ и ея собранія, я поставленъ въ необходимость отказаться отъ удовольствія посѣщать засѣданія Академиковъ. По этому прошу васъ сообщить отъ моего имени Членамъ Академіи, не признаютъ ли они равно удобнымъ, по уваженію къ изложенному мною обстоятельству, перенести

обыкновенныя наши собранія на другой какой нибудь день, болѣе для всѣхъ свободный. Я увѣренъ, что мои товарищи по Академіи примутъ это предложеніе съ моей стороны какъ свидѣтельство самаго искренняго желанія моего къ продолженію непосредственнаго моего участія въ ихъ совѣщаніяхъ и трудахъ, а равно и къ изысканію способовъ, какъ прежде, къ полному осуществленію ихъ важнаго призванія. Для меня, по новому распредѣленію моихъ занятій, самые удобные для этого дни: середа и четвергъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта, имѣю честь быть, и проч.»

Чтеніе этихъ коротенькихъ строкъ сильнѣе всѣхъ убѣжденій заставило почувствовать Академиковъ, что Президентъ остался ихъ прежнимъ собесѣдникомъ и въ званіи Министра. Они должны были принять слова его съ полною довѣренностію еще болѣе потому, что въ теченіе этой самой недѣли прочитана была Министромъ-Президентомъ въ торжественномъ собраніи Академіи столь извѣстная его Записка на французскомъ языкѣ: «О Гёте.» Глубокомысленному критику представилась тема, до такой степени богатая содержаніемъ и важностію предмета, что онъ принужденъ былъ набрасывать только очерки мыслей для надлежащей обстановки обнимаемаго имъ предмета.

«Чтобы основательно судить о вліяніи Гёте на страну его и вѣкъ (говоритъ сочинитель), надобно мысленно перенестися къ тому времени, когда явился онъ на поприщѣ словесности. Франція, гибнувшая въ сатурналіяхъ XVIII вѣка, еще продолжала дѣйствовать на умы. Нѣмецкая словесность, заключенная въ первоначальныя жесткія формы свои и порываемая систематическимъ стремленіемъ къ подражанію за-Рейнскимъ образцамъ, подвергалась двоякой невыгодѣ враждебныхъ крайностей. Школа Бодмера, называемая въ Германіи Швейцарскою, силилась воскресить подъ кровомъ патріархальнымъ древнюю эпопею. Школа Лейпцигская требовала народной драмы, и между тѣмъ ковала прозу, хотя нескончаемыя причастія утомляли самый грубый слухъ и самый снисходительный вкусъ. Отличнѣйшіе умы, особенно Галлеръ и Клопштокъ, развивая возвышенныя мысли, настраивали лиру на тонъ невѣрный и нетвердый въ основаніи: тогда хотѣлось создать піитику съ

тѣмъ же предубѣжденіемъ, съ какимъ искали народности въ баснословныхъ Тацитовыхъ преданіяхъ о Германцахъ.

«Лессингъ первый прокладывалъ надежный путь; но его критическій талантъ не могъ озарить свѣтомъ тьму смѣшенія и безпорядка. Изъ среды этого литературнаго безначалія возвысился талантъ могучій, Виландъ; онъ пробилъ новую тропу, и увлекъ послѣдователей своихъ къ подражанію Французамъ, неподражаемымъ въ любезности, естественности и живости. Трудное и безплодное усиліе соединяло противоположныя стихіи. Въ семъ жалкомъ сочетаніи безнравственность не приправлялась даже вкусомъ, а природныя свойства отечественнаго генія приносились въ жертву суетному желанію наряжаться въ чужія, преувеличенныя погрѣшности.

«Замѣтимъ, что въ то время дѣятельность духа устремлена была на совершенствованіе стороны только умственной. Тогда пылкія думы не волновали еще страстей общественныхъ. Перевороты, вскорѣ разразившіеся, конечно зарождались въ безмолвіи, но какъ плоды времени, обстоятельствъ и совершенствованія общества, а не произведенія человѣка, или междоусобій: они созрѣвали вдали, подобно непримѣтнымъ на облакахъ пятнамъ, зародышамъ бури. Тогда книга почиталась важнымъ событіемъ, новая мысль явленіемъ, философская система эпохой; въ произведеніи искуства выражалась школа; тогда законъ драматическихъ единствъ опровергался, или былъ утверждаемъ какъ законъ государственный; Глюкъ казался нововводителемъ; на Шекспира смотрѣли какъ на варвара, угрожавшаго ниспроверженіемъ общественнаго порядка; энциклопедистовъ принимали за новыхъ вѣроучителей. Германія представляла единственное зрѣлище быстраго и непрерывнаго развитія мысли, замѣнявшаго всѣ прочіе признаки жизни, мышленія зрѣлаго, углублявшагося во внутреннее самосозерцаніе: тамъ иногда одинъ силлогизмъ изъ метафизики тревожилъ умы отъ Рейна до Шпрее; неожиданный какой нибудь выводъ, новая категорія раздѣляли общество, и даже сословія различались не по гражданственной ихъ важности, а по той степени образованности, до какой они достигали, и по умственному вліянію, какое производили они на остальную часть народа. Тогда-то

явился Гёте.» Вотъ посреди какой картины и между какими дѣйствователями поставилъ Критикъ своего Героя, чтобы яснѣе показать его со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ.

Почти шестнадцать лѣтъ Графъ С. С. Уваровъ управлялъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, оставаясь и Президентомъ Академіи, которой славу и благосостояніе привыкъ онъ считать какъ бы собственными. По этому можно было предвидѣть, что новое свое вліяніе, новую власть и закономъ предоставленныя ей права онъ съ любовію пожелаетъ употребить на пользу и возвышеніе Академіи, уже пятнадцать лѣтъ имъ охраняемой и возносимой. Дѣйствительно: въ этомъ новомъ періодѣ, исторія ея представляетъ съ одной стороны безпрерывный рядъ усовершенствованій и пополненій во всѣхъ частяхъ, съ другой картину успѣховъ и важныхъ ученыхъ предпріятій. Справедливость требуетъ замѣтить, что эта понятная привязанность Президента ни сколько не отклонила его отъ пути, болѣе широкаго и требовавшаго высшихъ соображеній, по которому онъ долженъ былъ итти твердо какъ Министръ. Въ исторіи просвѣщенія Россіи остались прочные памятники его министерской дѣятельности, отразившейся на Университетахъ и прочихъ учебныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ образовалось при немъ столько поколѣній.

XVII.

Къ 1834 году Министерствомъ финансовъ окончательно устроено было для Академіи наукъ то зданіе, которое предназначалось для важнѣйшихъ ея музеумовъ. Президентъ желалъ видѣть самое убранство его достойнымъ этого назначенія. По его ходатайству Высочайше разрѣшено употребить на то 25,810 р. изъ капитала, пожертвованнаго купцомъ Ларинымъ и находившагося въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія. 17 залъ и 17 комнатъ наполнены были въ систематическомъ расположеніи коллекціями по естественнымъ наукамъ, доступныя во всякое время любознательнымъ посѣтителямъ и соединяющія въ разнообразныхъ видахъ всѣ богатства трехъ царствъ природы. Тамъ же, въ особыхъ отдѣленіяхъ, помѣщены: Гот-

торпскій глобусъ и Азіатскій музеумъ, любимое учрежденіе Президента, взлелѣянное неусыпными его попеченіями. Въ теченіе настоящаго періода, Азіатскій музеумъ двукратно былъ снова обогащаемъ. Отъ щедротъ Государя Императора Академія въ 1835 году получила обширное собраніе сочиненій по части литературъ средней Азіи, добытое съ большими издержками для предполагавшагося при здѣшнемъ Университетѣ отдѣленія Восточныхъ языковъ. Оно состояло, во первыхъ, изъ принадлежавшихъ Барону Шиллингу сочиненій, картъ и плановъ Китайскихъ и Манджурскихъ, разныхъ произведеній литературъ: Японской, Тибетской, Монгольской и Индійской, которыя, вмѣстѣ съ подобными, бывшими уже прежде въ Академіи, составили весьма значительную, особенно по части Китайскаго и Манджурскаго языковъ, библіотеку, какая едва ли есть гдѣ въ Европѣ; во вторыхъ, изъ 73 бывшихъ прежде Полковника Стюарта рукописей по всѣмъ почти отраслямъ Санскритской литературы, и въ третьихъ, изъ 43 Монгольскихъ и Тибетскихъ сочиненій, въ Пекинѣ собранныхъ Архимандритомъ Петромъ, которыя, съ присовокупленіемъ къ нимъ прежней академической коллекціи и пріобрѣтенной отъ Барона Шиллинга, также могутъ равняться съ богатѣйшими въ Европѣ собраніями въ этомъ родѣ. Въ 1839 году, Его Императорское Величество изволилъ пріобрѣсти у наслѣдниковъ Барона Шиллингафонъ-Канштадта за 40 т. р. другое собраніе замѣчательнѣйшихъ и самыхъ рѣдкихъ твореній по части Китайской, Манджурской, Японской, Монгольской и Тибетской литературы. Оно Всемилостивѣйше также подарено Азіатскому музеуму Академіи Наукъ.

Отдѣленіе академической библіотеки, заключающее въ себѣ книги на иностранныхъ языкахъ, въ 1837 году получило важное приращеніе. На всеподданнѣйшее представленіе Президента послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе касательно покупки книгъ, составлявшихъ частную библіотеку умершаго Академика Кёллера, который, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ въ Европѣ знатоковъ древне-классическихъ литературъ. Изъ экономическихъ суммъ Академіи употреблено на это пріобрѣтеніе 50 т. руб.

Постоянная заботливость Президента объ улучшеніи каждой части принадлежностей Академіи не отвлекла вниманія его отъ предмета болѣе общаго, который требовалъ съ его стороны ходатайства и содѣйствія важнаго, обдуманнаго, потому что счастливый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ навсегда утвердить достоинство, честь и благосостояніе Академіи. Слишкомъ тридцать лѣтъ протекло со времени Высочайшаго утвержденія послѣдняго ея Устава. Хотя еще недавно онъ былъ пополненъ новыми пунктами, но Президентъ живо чувствовалъ, что, при распространенномъ его стараніями составѣ, Академія не можетъ стройно и благоуспѣшно дѣйствовать безъ Устава новаго, сообразнаго съ нынѣшнею ея организаціею. И потому онъ рѣшился повергнуть на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества свой проектъ, по которому какъ ученая часть, такъ и хозяйственная приняли бы другіе, болѣе обширные размѣры для удовлетворенія всѣмъ существеннымъ потребностямъ столь высокаго въ Имперіи учрежденія. Въ слѣдствіе этого представительства, въ 8 день Января 1836 года, послѣдовалъ Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату, утвердившій всѣ предположенія Президента. Новымъ Уставомъ и Штатомъ составъ и кругъ дѣйствія Академіи расширены; ей дано полное и опредѣлительное руководство; усилены предоставленныя ей средства, и обезпечено содержаніе Академиковъ, которые, выслуживъ извѣстное число лѣтъ, принуждены за болѣзнію просить увольненія. Ежегодно Академія начала получать на свое содержаніе 239.400 р. Сверхъ этой суммы, еще прежде назначено на центральную Обсерваторію 62.200 р., да въ послѣдствіи прибавлено на Отдѣленіе Русскаго языка и словесности 53.454 р. 45 к.—(15.272 р. 70 к. сер.) Такимъ образомъ полный Штатъ Академіи возведенъ нынѣ до 355.054 р. 45 к. (100.586 р. 98$\frac{4}{7}$ к. сер.)

Президента, на этой высотѣ успѣховъ, ожидало новое, высшее счастіе. Въ 1838 году Государь Императоръ Николай Павловичъ пожелалъ еще разъ быть въ Академіи, чтобы лично осмотрѣть устройство музеумовъ ея въ настоящемъ видѣ. 14-го Марта Его Величество изволилъ прибыть, и съ неописаннымъ благоволеніемъ удостоилъ обратить высокое вниманіе свое на

каждую часть, то предлагая вопросы завѣдывающимъ кабинетами и коллекціями, то выслушивал ихъ донесенія. Подобное же благоволеніе изволилъ оказать Академіи 19-го Апрѣля благополучно царствующій нынѣ Государь Императоръ Александръ Николаевичь, тогда Наслѣдникъ престола. Передъ путешествіемъ Своимъ за границу, Августѣйшій Первенецъ пожелалъ ознакомиться съ отечественнымъ святилищемъ наукъ, которому основаніе положено десницею Величайшаго изъ державныхъ Его предковъ.

XVIII.

Окончательно устроенное щедротами Всемилостивѣйшаго Государя благосостояніе Академіи доставляло Президенту обильнѣйшія средства къ водворенію въ ней достойныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ наукъ. Начиная съ 1836-го, послѣдующіе годы, почти до самой кончины Графа С. С. Уварова, представляютъ постоянныя избранія новыхъ лицъ въ ученое сословіе Академіи. По литературѣ, исторіи и древностямъ Востока, вступили: Броссе, Дорнъ, Бётлингъ и Шифнеръ; по исторіи и древностямъ Россіи Устряловъ и Куникъ; по политической экономіи и статистикѣ Кёппенъ и Веселовскій; по общей химіи Фритчше; по ботаникѣ Мейеръ, Рупрехтъ и Желѣзновъ; по технологіи и химіи, приспособленной къ искуствамъ и ремесламъ, Якоби; по астрономіи Петерсъ и Струве 2-ой; по геогнозіи и палеонтологіи Гельмерсенъ и Мурчисонъ; по зоологіи Миддендорфъ; по Греческимъ и Римскимъ древностямъ Стефани; по чистой математикѣ Перевощиковъ; по минералогіи Абихъ; по прикладной математикѣ Чебышевъ.

Съ полнымъ замѣщеніемъ академическихъ мѣстъ естественно связываются самые успѣхи академическихъ трудовъ и разнообразіе ученыхъ предпріятій, распространяющихъ общеполезныя свѣдѣнія. Всѣмъ извѣстно, что Академія, достигнувъ желанныхъ Президентомъ размѣровъ, донынѣ продолжаетъ ежегодное печатаніе «Записокъ» своихъ, распредѣливъ ихъ по содержанію на особыя четыре изданія: въ одномъ помѣщаются изслѣдованія по наукамъ физико-математическимъ, въ другомъ

по естественнымъ наукамъ, въ третьемъ по исторіи, филологіи и наукамъ политическимъ, а въ четвертомъ всѣ сочиненія посторонннхъ лицъ, представляемыя въ Академію и признанныя ею достойными общаго вниманія. Сверхъ того, по мѣрѣ накопленія новыхъ матеріаловъ, нѣсколько разъ въ теченіе года, издаются выпусками «Извѣстія», раздѣленныя на отдѣлы физико-математической и историко-филологической. Послѣ публичныхъ собраній Академіи, равно какъ и послѣ раздачи Демидовскихъ премій, также ежегодно являются изъ печати двѣ книги, въ которыхъ содержатся отчеты и другія чтенія, представленныя публикѣ на этихъ актахъ.

Общіе учено-литературные труды, здѣсь исчисленные, не останавливаютъ частной дѣятельности Академиковъ, которые спеціальными сочиненіями своими, постоянно выходившими въ свѣтъ во все управленіе Академіею Графа С. С. Уварова, значительно разширили область наукъ и тѣмъ принесли несомнѣнную пользу всѣмъ любителямъ основательныхъ знаній. Не вдаваясь въ подробное исчисленіе ихъ, довольно напомнить о такихъ трудахъ, которые, какъ прочные памятники ученой дѣятельности, всегда будутъ привлекать вниманіе къ блистательному періоду нашей исторіи просвѣщенія. Имя и сочиненія Струве давно сдѣлались выраженіемъ классическихъ изслѣдованій по астрономіи. Его микрометрическія измѣренія двойныхъ и сложныхъ звѣздъ обогатили науку открытіями. Метеорологическія наблюденія, къ которымъ въ высшей степени возбуждена дѣятельность ученыхъ примѣрною ревностію Купфера, издавшаго наставленія для производства этихъ ученыхъ работъ, обнимаютъ нынѣ, какъ непрерывающаяся сѣть, все пространство Россіи. Беръ и Брантъ пожелали даже связать прервавшуюся цѣпь прежнихъ трудовъ Академіи съ нынѣшними. Оставшаяся безъ окончанія Палласова Русско-Азіатская зоографія возобновлена ихъ усиліями. Собственныя сочиненія каждаго изъ нихъ такъ обширны и назидательны въ ученомъ отношеніи, что ими повсюду пользуются занимающіеся зоологіею. «Матеріалы для изученія Россійской Имперіи и смежныхъ съ нею Азіатскихъ странъ», нѣсколько лѣтъ издававшіеся Беромъ и Гельмерсеномъ, доставляютъ читателямъ любопытнѣйшія изысканія. Брантъ въ

своихъ изслѣдованіяхъ животныхъ и прозябеній обратился даже къ медицинской сторонѣ изучаемыхъ имъ предметовъ. Многотомныя изданія Триніуса, заключающія въ себѣ описанія ниворослей, остаются памятниками его обширныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Труды Мейера, въ которыхъ заключены матеріалы къ познанію прозябаемости Россіи, также отдѣльныя губернскія флоры, свидѣтельствуютъ о направленіи Академиковъ къ достиженію прямаго ихъ назначенія. Открытіе гальванопластики и приложеніе ея къ искуствамъ и ремесламъ поставили имя Якоби въ ряду извѣстнѣйшихъ изобрѣтателей. И сколько имъ указано другихъ употребленій таинственныхъ силъ природы, наукою подчиняемыхъ волѣ человѣка! Если бы здѣсь же исчислены были труды, въ продолженіе взятаго періода совершенные другими Академиками, разработывающими чистую и прикладную математику, политическую экономію и статистику, всеобщую и Русскую исторію съ ея древностями, филологію Греціи, Рима и Востока, выводъ оказался бы самый убѣдительный въ пользу распоряженій и личнаго вліянія Президента на организацію Академіи.

Ученыя экспедиціи обогащали въ это время Академію и ея изданія драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя были почерпаемы изъ источниковъ самыхъ вѣрныхъ и живыхъ. Въ 1835 году предпринято Шёгреномъ путешествіе на Крымскій полуостровъ, въ Грузію и на Кавказъ для разысканій объ языкахъ и правахъ Кавказскихъ народовъ. Кромѣ Татарскаго и Грузинскаго языковъ, онъ преимущественно занимался языкомъ Осетинскимъ. Извѣстно, что Клапротъ доказалъ тожество нынѣшнихъ Осетинцевъ съ Ассами и Аланами среднихъ вѣковъ, и даже имя Осетинцевъ производитъ отъ Ассовъ, изъ первобытнаго жилища коихъ вышелъ Оденъ въ сопровожденіи немногихъ сподвижниковъ, чтобы поселиться въ Скандинавіи. Всѣ сіи соображенія вызвали Шёгрена къ новымъ изслѣдованіямъ. Болѣе двухъ лѣтъ онъ провелъ въ трудахъ и переѣздахъ, посреди которыхъ собралъ множество свѣдѣній и наконецъ составилъ грамматику Осетинскаго языка. Экспедиція для измѣренія разности высоты морей Каспійскаго и Чернаго предпринята въ 1836 году. Она ввѣрена была астроному Фусу (Егору), кото-

раго сопровождали Саблеръ и Савичъ, два воспитанника Профессорскаго института, находившіеся при Дерптской обсерваторіи. Цѣль экспедиціи была вполнѣ достигнута: уровень Каспійскаго моря оказался ниже слишкомъ на 101 футъ нашей мѣры. Не менѣе важную пользу экспедиція оказала наукѣ, астрономически опредѣливъ значительное число пунктовъ въ отношеніи къ географическому положенію и къ возвышенію ихъ надъ океаномъ, особенно главныхъ вершинъ Кавказскихъ горъ. Въ этомъ же году, подъ начальствомъ Бера, снаряжена экспедиція къ берегамъ Лапландіи и Новой Земли для изслѣдованій природы края и мѣстныхъ произведеній. Дѣйствія экспедиціи изложены съ тою занимательностію, какую обыкновенно придаетъ сочиненіямъ своимъ столь знаменитый писатель. Картина природы посѣщенныхъ имъ странъ оживлена подробностями географическими, метеорологическими, геогностическими, ботаническими и зоологическими. Вторично посѣтилъ Беръ въ сопровожденіи Миддендорфа этотъ пустынный край въ 1840 году. Экспедиція предположила изслѣдовать естественныя произведенія на берегахъ Ледовитаго моря и сравнить ихъ съ тѣми, которыя собраны ею на берегахъ Новой Земли. Достигнувъ главной цѣли, путешественники сверхъ того дошли до удостовѣренія, что на картѣ Лапландіи неправильно означается теченіе рѣкъ Туломы и Колы. Въ этомъ году совершена поѣздка Кеппеномъ для обозрѣнія губерній между Санктпетербургомъ и Нижнимъ Новгородомъ и осмотра въ послѣднемъ тамошней ярмонки. Онъ опредѣлилъ всѣ статистическія и экономическія отношенія посѣщенныхъ имъ мѣстностей, равно какъ и отрасли промышленности, которыми занимаются или цѣлые округи, или особенныя населенія. Также въ 1840 году перешло въ завѣдываніе Академіи измѣреніе дуги меридіана, производившееся десять лѣтъ подъ наблюденіемъ Струве. Опытъ этого важнаго предпріятія начался еще въ 1817 году съ Высочайшаго соизволенія Императора Александра Павловича. Окончаніе послѣдовало только въ 1853. Измѣренная дуга, содержащая протяженія 25°20′, идетъ отъ устьевъ Дуная до Ледовитаго моря. Ученый трудъ Русскихъ астрономовъ, точностію работъ и самымъ протяженіемъ дуги, превосходитъ

всѣ подобнаго рода измѣренія, произведенныя донынѣ Европейскими учеными, и долженъ привести къ важнымъ выводамъ относительно точнѣйшаго опредѣленія фигуры земной поверхности и другихъ астрономическихъ изслѣдованій.

Къ собственнымъ ученымъ занятіямъ Президента въ 1840 году относится его разсужденіе: «О философіи литературы», написанное на Французскомъ языкѣ и посвященное знаменитому писателю и дипломату Барону Баранту. Авторъ представляетъ здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ программу философической исторіи литературы, разбирая характеръ словесности въ гражданскихъ событіяхъ до Рождества Христова и послѣ этого событія. Занимаясь подъ непрерывнымъ вліяніемъ явленій перваго періода, онъ такъ увлекся языческою литературою, что гражданственность Христіанскаго періода не совмѣстилась пропорціонально съ первою частію разсужденія и вызвала только съ его стороны остроумное указаніе на необходимость новой картины для совершеннаго исполненія программы, имъ приготовленной. Между тѣмъ оригинальность воззрѣній его, ясное постиженіе красотъ древнихъ писателей, удивительное обиліе мыслей и непстощимый въ высшихъ своихъ совершенствахъ языкъ привлекаютъ полное вниманіе читателя къ каждой строкѣ этого по видимому недоконченнаго разсужденія.

XIX.

На самой срединѣ періода, въ который входятъ шестнадцать лѣтъ управленія Графа С. С. Уварова министерствомъ, ему предстояло встрѣтиться съ событіемъ, принятымъ многими безъ сочувствія, если нельзя сказать съ неодобреніемъ. Министръ приготовилъ непосредственному вѣдѣнію Президента новое отдѣленіе ученыхъ, распространивъ объемъ Академіи цѣлою третью Академиковъ, подъ названіемъ: Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Преобразованіе послѣдовало въ 19 день Октября 1841 года. Уничтоженіе Россійской Академіи вызвало много воспоминаній, относившихся къ Великой Основательницѣ ея и знаменитымъ писателямъ той эпохи. Министръ могъ успокоивать себя замѣтнымъ всеобщимъ охлажденіемъ къ дѣятельности Россійской Академіи въ послѣдніе годы ея суще-

ствованія. Къ тому же, изъ ежегодныхъ отчетовъ Академіи онъ ближе и яснѣе всѣхъ видѣлъ, какъ истощались въ ней годъ отъ году тѣ ученые вопросы, для рѣшенія которыхъ она нѣкогда была учреждена. По его соображеніямъ, высшее дѣло отечественной науки требовало помощи сильной и неожиданной. Ему представилось лучшее къ тому средство въ сліяніи двухъ Академій. Планъ его исполнился. 20 Декабря 1841 года онъ привѣтствовалъ общее собраніе уже трехъ Отдѣленій Академіи наукъ замѣчательною рѣчью, въ которой произнесены многозначительныя два слова въ отношеніи къ Отдѣленію Русскаго языка и словесности: «хранить и утверждать», заключающія въ себѣ существенныя обязанности новыхъ Академиковъ. Послѣдствія оправдали отважный оборотъ, который данъ Министромъ этому историческому дѣлу. Въ недолгіе годы своей дѣятельности Отдѣленіе Русскаго языка и словесности представило вниманію просвѣщенныхъ судей три необходимыя для націи творенія: въ 1847 году «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка»; въ 1852 «Опытъ общесравнительной Грамматики Русскаго языка» и «Опытъ областнаго Велико-Русскаго Словаря. Оно постоянно дѣйствуетъ на оживленіе отечественной словесности изданіемъ своихъ «Извѣстій», частію разрѣшая, частію возбуждая ими важнѣйшіе вопросы Славянской филологіи и современной литературы. Отдѣленіе Русскаго языка и словесности образовало въ себѣ какъ бы національное хранилище всего, оставшагося въ народной памяти и преданіяхъ отъ тѣхъ временъ, когда чувство и воображеніе замѣняли для сочинителей правила и образцы. Изъ этихъ памятниковъ столькихъ вѣковъ и нарѣчій составится нѣкогда исторія всѣхъ періодовъ Русскаго языка и выведены будутъ непреложные его законы. Участіе Президента во всѣхъ трудахъ и предпріятіяхъ втораго Отдѣленія Академіи было самое живое и безпрерывное: онъ въ немъ видѣлъ осуществленіе одной изъ смѣлыхъ своихъ идей, и слѣдственно не могъ оставаться равнодушнымъ къ его занятіямъ и успѣхамъ.

Между тѣмъ въ первомъ и третьемъ Отдѣленіяхъ, давно имъ устроенныхъ согласно его видамъ и желаніямъ, не прерывались и не ослабѣвали какъ изслѣдованія кабинетныя по

каждой наукѣ, такъ и путешествія съ ученою цѣлію. Не исчисляя изданій этой эпохи, обогатившихъ ученую литературу, достаточно сказать, что, по распоряженію Президента, на иждивеніи Академіи, вышло въ свѣтъ, 1842 года, Востокова «Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума», а на слѣдующій годъ имъ же изданное «Остромирово Евангеліе 1056 — 57 года, съ приложеніемъ Греческаго текста Евангеліи и съ грамматическими объясненіями.» Тогда же исходатайствовано Президентомъ Высочайшее разрѣшеніе Устрялову свободно пользоваться всѣми архивами Имперіи для составленія Исторіи Петра Великаго, продолжаемой до сихъ поръ съ рѣдкимъ усердіемъ и неизмѣнною любовію къ труду.

Графъ С. С. Уваровъ въ 1842 году составилъ на Французскомъ языкѣ полную жизни и занимательности Записку свою, подъ заглавіемъ: «Принцъ де Линь». Подлѣ классическихъ, стройныхъ, ученыхъ его изслѣдованій о разныхъ предметахъ Греческой исторіи и мѳологіи, эта Записка представляется какимъ-то чужеземнымъ растеніемъ. Но въ ней-то и можно вполнѣ видѣть, какою гибкостію ума, какимъ богатствомъ игривости и острыхъ шутокъ, какимъ неистощимымъ запасомъ біографическихъ свѣдѣній обладалъ авторъ. Если бы ему пришла счастливая мысль передать бумагѣ все, что усвоила изъ разнообразной жизни память его, движимая и направляемая столь гибкимъ дарованіемъ, онъ сообщилъ бы обществу, ему современному, яркія краски, выразительную физіономію и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ поэзію. Останется одно безъ разрѣшенія: совершенства, насъ поражающія въ Запискѣ о де Линѣ, не утратили ли бы своего блеска, если бы тотъ же авторъ, избравъ предметы изъ другой націи, рѣшился и писать подобныя Записки на другомъ языкѣ?

Изученіе отдаленныхъ и мало извѣстныхъ сѣверныхъ краевъ отечества преимущественно возбуждаетъ неутомимую любознательность Академиковъ. По слѣдамъ Бера и Миддендорфа, Рупрехтъ вызвался посѣтить западную сторону Самоѣдскаго края, и въ особенности осмотрѣть полуостровъ Канинъ Носъ. Въ его донесеніи сохраняются указанія, пополняющія не только спеціальныя свѣдѣнія натуралистовъ, но и прочія части

землеописанія. Въ 1842 году окончательно приготовлена была экспедиція на три года въ Сибирь, подъ распоряженіемъ Миддендорфа, для изслѣдованія оледенѣлости земли, посѣщенія самой сѣверной стороны между рѣками Пясидою и Хатангою и достиженія сими рѣками до Ледовитаго моря. Неустрашимый путешественникъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ и опасностей, послѣ многихъ опытовъ самоотверженія, проникъ наконецъ, подъ 76-мъ градусомъ сѣверной широты, до Ледовитаго океана, и такимъ образомъ достигъ главной цѣли экспедиціи. Продолжая, во все время пребыванія въ этомъ краю, изысканія свои до Охотскаго моря, до Удскаго острога и Шантарскихъ острововъ, онъ успѣлъ собрать для естествовѣдѣнія неоцѣненныя сокровища, частію уже представленныя имъ ученому свѣту въ изданномъ путешествіи, частію же приготовляемыя къ обнародованію.

Поѣздки за границу Триніуса, Купфера, Бера и Фритчше для принятія участія въ собраніяхъ Европейскихъ ученыхъ, дѣлившихся съ товарищами по труду новыми открытіями, предположеніями и догадками, которыя могли приблизить ихъ всѣхъ къ постиженію таинствъ природы, принадлежатъ равнымъ образомъ къ свѣтлымъ явленіямъ описываемаго періода. Тогда же Непремѣнный Секретарь осматривалъ внутреннее устройство и дѣлопроизводство ученыхъ обществъ въ Германіи, Франціи и Швейцаріи, чтобы самымъ формамъ академическихъ дѣлъ придать болѣе простоты, правильности и легкости. Къ прежнимъ статистическимъ даннымъ относительно средней Европейской Россіи Кеппенъ присоединилъ въ 1843 году новыя пріобрѣтенія, почерпнутыя имъ во время обозрѣнія осьми губерній: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Тульской и Калужской. Хронографическая экспедиція между Санктпетербургомъ и Альтоною, по ходатайству Президента устроенная на иждивеніи Государственнаго казначейства подъ наблюденіемъ Струве, произвела въ одно лѣто, съ Мая до Сентября, семнадцать хронометрическихъ путешествій. Въ ея распоряженіи было 86 хронометровъ. Долгота Пулковской обсерваторіи на востокъ отъ Альтонской выведена въ 1 ч. 21′ 32″50.

XX.

Наступило 18-е Января 1843 года, день совершившагося двадцатипятилѣтія съ того времени, какъ Графъ С. С. Уваровъ былъ назначенъ въ Президенты. Академія удостоилась получить Высочайшее разрѣшеніе отпраздновать это достопамятное для нея событіе въ торжественномъ собраніи своихъ дѣйствительныхъ Членовъ. Депутація отъ трехъ Отдѣленій, въ главѣ которой находился Вице-Президентъ Академіи Князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, прибыла въ домъ Министра народнаго просвѣщенія пригласить его на приготовленное въ Академіи торжество. Оно было открыто чтеніемъ рѣчи на Французскомъ языкѣ, приготовленной Непремѣннымъ Секретаремъ Фусомъ и заключавшей въ себѣ обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ по всѣмъ частямъ усовершенствованій, которыми Академія обязана неизмѣннымъ усиліямъ Президента. Заключеніе рѣчи не могло пройти безъ особеннаго впечатлѣнія на душу Президента. Оно содержитъ слѣдующія выраженія:

«Я считаю себя счастливымъ, что могу, при настоящемъ торжествѣ, отъ лица моихъ товарищей, выразить общія чувства благодарности и преданности, на которыя отличное управленіе ваше даетъ вамъ неотъемлемыя права. Задолго до назначенія вашего въ почетную должность Президента, Академія присудила вамъ званіе почетнаго своего Члена, какъ справедливую дань уваженія за блистательные успѣхи ваши на поприщѣ наукъ и словесности, успѣхи, которые, при другихъ обстоятельствахъ, несомнѣнно доставили бы вамъ право на кресло Академика. Многіе изъ насъ еще съ гордостью припоминаютъ время, когда одна изъ первыхъ Академій въ свѣтѣ, и которой вниманіе наиболѣе цѣнится, Французской Институтъ, принялъ васъ, молодаго человѣка, въ число своихъ почетныхъ иностранныхъ Членовъ по кончинѣ знаменитаго Принца-Примаса Рейнскаго союза, отстранивъ Герена и Сестини, соискателей сильныхъ и славныхъ. Изъ двѣнадцати Президентовъ, бывшихъ одинъ послѣ другаго въ Академіи, одни вы могли по праву требовать себѣ титла Ученаго; вы одни украсили собраніе ученыхъ Записокъ нашихъ со-

чиненіями высокаго достоинства, и не смотря на то, что вы преданы спеціальнымъ ученымъ занятіямъ, никогда пристрастіе не управляло вами въ сношеніяхъ съ лицами, которыя занимаются науками, менѣе привлекающими къ себѣ вниманіе ваше. Высокое мѣсто, принадлежащее вамъ въ обществѣ по вашимъ качествамъ и отношеніямъ вашимъ, и та довѣренность, которой васъ удостоиваетъ Августѣйшій нашъ Монархъ, безъ сомнѣнія, особенно содѣйствовали возвышенію Академіи: но она считаетъ себя болѣе всего обязанною за это счастіе и за сохраненіе чувства собственнаго достоинства (намъ пріятно такъ думать) нравственному вліянію вашему, неизмѣнно дѣйствовавшему на Академію; довѣренности, которую оказывали вы ея Членамъ во всѣхъ обстоятельствахъ; прекрасному характеру, какой вы утвердили въ сношеніяхъ съ ними; твердости, съ которою вы охраняли ихъ права и преимущества; наконецъ тому уваженію, которое вы всегда оказывали къ независимости академическихъ мнѣній.

«Можетъ ли кто нибудь забыть изъ насъ умилительный знакъ привязанности, которымъ вы поспѣшили обрадовать Академію, когда призваны были къ высокой должности, десять лѣтъ вами отправляемой? И когда новыя и важныя обязанности этого званія рѣшительно потребовали, чтобы вы имъ отдали всего себя, и у васъ не осталось свободнаго времени для дѣлъ Академіи, въ замѣнъ себя вы избрали человѣка испытаннаго, достойнаго вашей дружбы, который сочувствіемъ къ вашимъ видамъ, административными своими дарованіями и благородствомъ чувствъ своихъ давно пріобрѣлъ между нами искреннее уваженіе и сердечную признательность всѣхъ и каждаго. И такъ, примите отъ меня и моихъ товарищей выраженіе глубокой нашей благодарности, и да хранитъ еще долго Провидѣніе жизнь вашу для блага отечества и славы Академіи, которая гордится такимъ Начальникомъ.»

Вице-Президентъ, отъ имени Академіи, поднесъ Президенту медаль, выбитую въ память совершившагося торжества. На одной сторонѣ медали находится изображеніе Президента съ надписью на Латинскомъ языкѣ имени его и по какому случаю поднесена ему медаль. На другой сторонѣ, также въ Латинской

надписи, кратко исчислены важнѣйшія заслуги Президента на признательность Академіи.

Въ слѣдъ за тѣмъ многіе изъ Академиковъ поднесли Президенту, каждый по своей части, приготовленные на этотъ случай ученые труды свои, и нѣкоторые произнесли при томъ особенныя привѣтственныя рѣчи. Столь живое общее движеніе, въ которомъ выражена была искренняя преданность уважаемому и любимому Начальнику, не могла не растрогать его, и онъ въ видимомъ волненіи души произнесъ на Французскомъ языкѣ слѣдующую Рѣчь:

«У меня нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ, какъ я тронутъ этими неожиданными и лестными привѣтствіями. Дружескія отношенія наши, продолжавшіяся четверть столѣтія, навсегда утвердивъ нашу связь, направили дѣятельность нашу къ общей цѣли и, смѣю сказать, возвысили Академію на ту степень, которая принадлежитъ по праву высшему въ Россіи ученому учрежденію. Эти новые успѣхи Академіи должны быть приписаны, во первыхъ, незабвенному къ ней благоволенію Императора Александра, во вторыхъ, просвѣщенному, непрерывному и великодушному покровительству Его Императорскаго Величества нынѣ царствующаго Государя. При сіяніи созвѣздія этой блистательной Четы, Академія твердымъ шагомъ приблизилась къ совершенствованію своему. Да будутъ же воспоминаніе прошедшаго и ощущеніе настоящаго благосостоянія первымъ движеніемъ признательныхъ сердецъ нашихъ, главнымъ чувствомъ при нынѣшнемъ торжествѣ! Я почитаю себя счастливымъ, что, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ (некраткой періодъ человѣческой жизни!), могъ быть посреди васъ исполнителемъ воли двухъ великихъ Монарховъ. Мое усердіе къ пользѣ Академіи вполнѣ вознаграждено нынѣшнимъ трогательнымъ праздникомъ и вашею чистою дружбой.»

XXI.

Воспоминаніе столь пріятнаго дня и съ избыткомъ наполнившихъ его сладостныхъ ощущеній сливается, по несча-

стію, съ другимъ воспоминаніемъ, которое черною, роковою печатью легло на сердце Графа С. С. Уварова. Эпоха описаннаго праздника совпадаетъ съ кончиною нѣжно любимой имъ дочери, существа прекраснаго, счастливаго и какъ бы призваннаго къ жизни для высшихъ ея благъ. Она умерла 13-го Января. Это былъ первый страшный ударъ, который такъ грозно раздался надъ головою человѣка, привыкшаго только обольстительными успѣхами и заманчивыми надеждами исчислять свои дни. Потрясеніе души его такъ было сильно, что онъ въ горестномъ разочарованіи рѣшился оставить министерство. Въ минуты его отчаянія послышался однако же голосъ, котораго назидательные и утѣшительные совѣты отклонили это намѣреніе. Великодушный Государь, раздѣляя справедливую печаль скорбящаго отца, указалъ ему на продолженіе полезныхъ трудовъ какъ на лучшее средство къ возстановленію душевнаго спокойствія.

Медленное, постепенное возвращеніе къ порядку дѣлъ, разрушенному бѣдствіемъ, постоянно омрачающимъ мысли, не возвратило Графу С. С. Уварову прежней бдительности и участія къ обычнымъ его занятіямъ. Онъ чувствовалъ, что все находится еще на развалинахъ благополучія, казавшагося когда-то свѣтлымъ и прочнымъ. Для устраненія отъ себя невыносимо тяготившихъ душу видѣній, онъ испросилъ у Государя Императора разрѣшеніе на поѣздку въ чужіе края. Обиліе новыхъ впечатлѣній и очарованіе новой умственной дѣятельности мало по малу начали оказывать благотворное свое вліяніе. Съ его сокровищами начитанности и знаній, съ воспріемлемостію души его, въ каждомъ новомъ мѣстѣ ожидали его тѣ занятія, которымъ онъ давно посвятилъ свою жизнь. Плодомъ его путешествія были два сочиненія на Французскомъ языкѣ: «Римъ» и «Венеція». Нельзя удержаться, чтобы не повторить здѣсь нѣкоторыхъ строкъ изъ каждаго: такъ они увлекательны по всему, что только сообщаетъ картинамъ живость представленія, особенность взгляда и очарованіе изложенія.

«Изъ всѣхъ наслажденій (говоритъ онъ), Римомъ представляемыхъ любителю искуствъ, по моему чувству, самое утонченное, самое новое есть посѣщеніе Ватикана при факелахъ. За

эту ночь, проведенную посреди древняго міра, за Ватиканскую ночь, не дорого заплатить даже усиліями и лишеніями цѣлыхъ годовъ. При самомъ приближеніи ко дворцу, какимъ-то торжественнымъ впечатлѣніемъ проникается сердце: надъ нами темно-синее небо Италіи и блескъ звѣздъ, отражающійся какъ на куполѣ св. Петра, такъ и въ восхитительныхъ фонтанахъ, съ шумомъ подымающихся и падающихъ цѣлыя столѣтія; у самаго портика папская стража, или лучше, стража Микель-Анджело, которая, съ факелами въ рукахъ, встрѣчаетъ иностранца и провожаетъ въ галлереи; тамъ, избранники древняго міра, вызванные посреди ночнаго мрака и, такъ сказать, насильно являющіеся жадному взору непосвященнаго — все въ этомъ помѣщеніи какъ-то волнуетъ душу и почти умиляетъ ее. Мраморъ представляется во сто разъ прекраснѣе, очарованіе живѣе, эффектъ восхитительнѣе, нежели при дневномъ свѣтѣ; мысли вполнѣ устремляются къ этому волшебному зрѣлищу; ничто не развлекаетъ ихъ, развѣ только чуть слышно лепечущій Бельведерскій фонтанъ, или лучь мѣсяца, неожиданно проскользнувшій межъ колоннъ и какъ будто любующійся тоже на это почное празднество. Медленно двигаясь по Ватикану, ни я, ни сопровождавшіе меня три спутника не выговорили другъ другу почти ни единаго слова; въ самомъ дѣлѣ, какъ-то страшно смутить непзъяснимое очарованіе, окружающее васъ. Удивительное искуство, съ какимъ ставятъ факелы, ихъ сіяніе, мастерски расчитанное, и умѣнье по волѣ разнообразить точки зрѣнія, придаютъ статуямъ какое-то оживленіе, котораго и описать нельзя; по видимому, онѣ пробудились ото сна, и какая-то стыдливость облекаетъ эти божественныя формы, открытыя для взора въ самыхъ сокровенныхъ ихъ изгибахъ. Не только артистическое чувство возникаетъ въ душѣ съ неожиданною силою, всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ помыслы мужества и бѣглыя мечты юности воскресаютъ мгновенно. Передъ этой волшебной толпою, воображеніе, увлекаясь незамѣтно, кажется, узнаетъ прозрачныя черты, неопредѣленный образъ милыхъ существъ, таинственный голосъ нѣжнѣйшихъ сочувствій сердца; невольно глаза наполняются слезами, и никто не покидаетъ этого мѣста, не благо-

словляя судьбы, которая для избранныхъ душъ уберегла ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, полное вознагражденія за всѣ непріятности дальняго странствованія, можетъ быть, даже за нѣкоторую часть разочарованій прошлой жизни.»

Венеція производитъ другое впечатлѣніе, и путешественникъ населяетъ душу вашу образами, столь же прекрасными, но иного характера, приводящими васъ совсѣмъ въ другое расположеніе духа. По его словамъ

«Ничто не производитъ столь грустнаго впечатлѣнія, какъ первый взглядъ на эту новѣйшую Помпею, называемую Венеціею. Вообразите городъ, только что постигнутый бѣдствіемъ, которое, не коснувшись стѣнъ, поразило жителей, и вы поймете потрясеніе, объемлющее сердце, не то животворное потрясеніе, которое производятъ Римскія развалины, но это неопредѣленное уныніе, эту глубокую тоску, которая овладѣваетъ вами при видѣ обиталища блестящаго и опустѣлаго, гдѣ, по видимому, за минуту находились люди; или, при видѣ театра, еще полуосвѣщеннаго, но покинутаго зрителями; или при видѣ бальной залы на другой день послѣ празднества. Венеція дѣйствительно представляетъ всѣ эти разнородные характеры: ея безмѣрное и подлѣльное могущество подобно было основанію города, утвержденнаго на сваяхъ; мрачная и прославившаяся жестокостями, Венеція въ то же время являлась веселою и великопѣпною. «Мостъ вздоховъ» подлѣ картинъ Павла Веронскаго; между колодцами дворца Дожей и свинцовою кровлей, гдѣ стенали государственные узники, являются всѣ чудеса изящныхъ искуствъ и всѣ прелести жизни. Тутъ умирали съ ропотомъ едва слышимымъ, а жили шумно. Половина Европы была данницей этого города, возникшаго изъ лагунъ. Не было преграды ненасытному честолюбію горсти людей, которые въ свою очередь трепетали передъ избыткомъ собственной власти. Но когда отъ Леванта появлялся вдали огромный флотъ съ безчисленными сокровищами всего міра, тогда забываемы были эти жертвы тайнаго и непреклоннаго властительства: вывѣшивались флаги по всей Венеціи и раздавались радостныя восклицанія народа, который почиталъ себя владыкою всѣхъ сокровищъ земли и участникомъ во всѣхъ наслажденіяхъ жизни. Берега большаго канала

украшены цѣлымъ рядомъ дворцовъ, одинъ другого прекраснѣе, но которые всѣ безмолвны и почти необитаемы. Изрѣдка по водѣ, одна послѣ другой, промелькнетъ черная какъ гробъ гондола. По временамъ, у окна, открывается ставень, и бѣглый взглядъ падаетъ на иностранца, взглядъ одного любопытства, въ которомъ нѣтъ ни участія, ни жизни. Иногда маленькая ножка, въ прелестной Венеціанской обуви, высовывается изъ-подъ полотна на балконѣ, нависшемъ надъ каналомъ; но ничто не прерываетъ молчанія, кромѣ однообразнаго крика гондольщиковъ, передающихъ его другъ другу. Эти обширныя помѣщенія, эти блестящія зданія, то въ Итальянскомъ, то въ Мавританскомъ вкусѣ, пробуждаютъ въ душѣ одни воспоминанія.»

XXII.

Поѣздка за границу употреблена была Графомъ С. С. Уваровымъ и на исполненіе обязанностей его по званію Министра просвѣщенія. Онъ не пропускалъ ни одного удобнаго случая для окончательнаго устроенія дѣлъ по Варшавскому учебному округу, который съ 20 Ноября 1839 года Высочайше ввѣренъ былъ министерству наравнѣ съ другими округами Россіи. По многочисленности находящихся въ немъ училищъ, онъ требовалъ особенныхъ соображеній и бдительнаго вниманія Министра. По возвращеніи въ отечество, ему надобно было не менѣе озаботиться окончательнымъ устройствомъ мѣръ по присоединенію Московской медико-хирургической Академіи къ тамошнему Университету.

Между тѣмъ въ Академіи Наукъ, въ слѣдствіе неизмѣннаго порядка занятій, водвореннаго Президентомъ, въ всѣхъ ея Отдѣленіяхъ, все шло по его желанію. Ученые труды Членовъ ея продолжали обогащать науки новыми изысканіями. Не только исторія, статистика, филологія и естествовѣдѣніе ежегодно прибавляли новыя данныя къ разширенію круга истинъ, но и высшія умозрительныя изслѣдованія математики привлекали къ успѣхамъ Академіи всеобщее участіе. Кому не извѣстны вдохновенныя соображенія Остроградскаго, такъ блистательно от-

крывающаго новые пути мышленію? Нельзя не указать также на книгу Буняковскаго, вышедшую въ 1846 году, подъ заглавіемъ: «Основаніе математической теоріи вѣроятностей», первое въ своемъ родѣ сочиненіе на Русскомъ языкѣ.

По распоряженію Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, въ 1845 г. предпринята астрономами Академіи хронометрическая экспедиція для опредѣленія долготъ между Пулковской горой, Москвою, Одессой и Варшавою съ присовокупленіемъ Валдая и Вилькомира. Она совершила свое предназначеніе и приготовила основные пункты для обширныхъ геодезическихъ работъ, предположенныхъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи. Тогда же отправился Беръ за границу для посѣщенія ученыхъ заведеній въ чужихъ краяхъ. Онъ воспользовался этою поѣздкою для наблюденій и опытовъ на берегахъ Средиземнаго моря надъ развитіемъ животныхъ. Употребивъ три года на свои изслѣдованія онъ достигнулъ важныхъ выводовъ, разливающихъ свѣтъ на тайну первоначальнаго образованія животнаго организма по оплодотвореніи.

Параллельно съ экспедиціею Миддендора совершалась другая съ 1845 года Сибирская экспедиція на иждивеніи Академіи. Она ввѣрена была одному изъ неутомимѣйшихъ путешественниковъ, Доктору Кастрену, образовавшемуся въ Александровскомъ Университетѣ. Цѣль экспедиціи состояла въ изученіи языковъ, нравовъ и обычаевъ Чудскихъ племенъ, обитающихъ въ Сибири. Въ 1848 году Кастренъ представилъ Академіи самыя удовлетворительныя донесенія. Тогда же внесено въ Академію донесеніе Броссе, объѣхавшаго Закавказскій край для историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Оно послужило къ составленію столь извѣстнаго сочиненія Академика объ этомъ предметѣ.

Возобновленіе въ памяти ученыхъ трудовъ, которыхъ плодами не перестаютъ пользоваться, не въ одной Россіи, но и въ другихъ государствахъ Европы и Америки, гдѣ только есть просвѣщенные люди, болѣе всего можетъ служить къ утвержденію высокой цѣны распоряженій Президента и внимательнаго его наблюденія за дѣятельностію Членовъ Академіи. Особенную важность получаютъ его долголѣтнія попеченія, когда вполнѣ

и ясно представляются уму тѣ выгоды, которыя нынѣ можетъ извлечь наше отечество изъ точныхъ и многосторонних разысканій Академиковъ въ отношеніи къ Россіи. Начиная съ ея средоточія не оставлено ни одного предмета безъ изученія до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Всего утѣшительнѣе въ этой истинѣ утвердившееся между Членами Академіи постоянство, съ которымъ они продолжаютъ исполнять свои обязанности. Не говоря о статистическихъ и другихъ обозрѣніяхъ Россіи, не прерывающихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напомнимъ о долголѣтнихъ странствованіяхъ препаратора зоологическаго кабинета Академіи Вознесенскаго, который, съ 1839 года, девять лѣтъ провелъ между сѣверо-восточными берегами Азіи и сѣверо-западными Америки, на островахъ Тихаго Океана, въ Камчаткѣ и въ другихъ мѣстахъ, собирая предметы естествовѣдѣнія, обогащая ими Академію и самъ обогащаясь любопытнѣйшими наблюденіями.

Въ 1846 году Графъ С. С. Уваровъ напечаталъ на Французскомъ языкѣ сочиненіе свое, подъ заглавіемъ: Штейнъ и Поццо ди Борго. Годы не охладили его воспоминаній юности. Представленныя имъ лица принадлежали къ тому обществу, посреди котораго онъ явился на поприщѣ ученой и административной своей дѣятельности. Это были для него первые образцы, которыхъ успѣхами въ свѣтѣ и въ жизни онъ желалъ воспользоваться. Эпоха Вѣнскаго конгресса и предшествовавшихъ ему великихъ событій не покидала его воспоминаній. Назадъ тому четыре года, въ разсказѣ о Принцѣ де Линѣ, онъ двумятремя чертами умѣлъ нарисовать портретъ Поццо ди Борго. «Это былъ, по словамъ его, человѣкъ съ пламенными глазами, съ южною смуглою физіономіей; очарованіе его разговоровъ привлекало къ нему всѣхъ, а умъ его, оригинальный, пылкой и совершенно выражавшій духъ нашего времени, удивительно рельефно выказывалъ умъ Принца де Линя, въ высшей степени отзывавшійся осьмнадцатымъ вѣкомъ.»

Государь Императоръ Николай Павловичъ, желая вознаградить государственныя заслуги Графа С. С. Уварова, какъ Министра просвѣщенія и Президента Академіи, 1 Іюля 1846 года возвелъ его въ Графское достоинство съ нисходящимъ отъ

него потомствомъ. Достойно замѣчанія, что всѣмъ извѣстныя слова: Православіе, Самодержавіе и Народность, которыми, при вступленіи въ высокую свою должность, Министръ какъ бы опредѣлилъ непзмѣнныя начала будущихъ своихъ дѣйствій, внесены въ Графской его гербъ. Новый титулъ нашелъ его при концѣ шестидесятаго года отъ рожденія. Никогда не могъ онъ похвалиться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Безпрерывные труды съ необыкновенно ранняго вступленія въ государственную службу и самые годы не могли обѣщать ему бодрой старости. Между тѣмъ бремя заботъ не уменьшалось, отъ чего естественно и становилось тягостнѣе. Можетъ быть, онъ еще предотвратилъ бы ожидавшее его бѣдствіе, если бы, во время сознавши изнеможеніе силъ, уклонился отъ всѣхъ должностей, и посвятилъ бы въ покоѣ остатокъ жизни своей тѣмъ сладостнымъ занятіямъ, для которыхъ судьба послала ему такъ много средствъ, такъ много сочувствія. Но человѣкъ полонъ противорѣчій. Графъ С. С. Уваровъ всю жизнь собиралъ сокровища ума и вкуса въ любимое свое Порѣчье. Онъ его населилъ мудрецами и поэтами всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Памятники искуствъ украшаютъ это убѣжище размышленія и благороднаго труда. Напрасно однако же ожидало оно заключить на постоянное жительство въ стѣнахъ своихъ счастливаго обладателя сокровищъ.

XXIII.

Лѣтомъ 1849 года Графъ С. С. Уваровъ жилъ на здѣшней своей дачѣ, что на Карповкѣ. Онъ по обыкновенію занимался дѣлами, но въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. 14 Іюля въ этомъ году онъ пораженъ былъ кончиною супруги своей, и проводилъ время въ печальномъ, пустынномъ домѣ, безъ семейства, почти безъ общества. Приближеніе осени въ Санктпетербургѣ, и безъ сердечныхъ потрясеній, вѣетъ на мысли чѣмъ-то устрашающимъ. Въ такомъ состояніи и настроеніи души засталъ его Сентябрь. 9-го числа послѣдовалъ съ нимъ первическій ударъ, который лишилъ его силъ продолжать службу въ должности Министра. Государь Императоръ, снисходя на всеподданнѣйшую его просьбу объ увольненіи, 20 Октября,

въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изволилъ изъявить ему признательность за услуги, оказанныя имъ престолу и отечеству. За нимъ было оставлено званіе Члена Государственнаго Совѣта и Президента Академіи наукъ.

Остальные годы его жизни ознаменованы только проблесками этого ума, этого дарованія и вкуса, которымъ здоровье, дѣятельность и энергія придавали нѣкогда такое значеніе. Поддерживаемый пособіями врачей, привязанностію къ прежнему обществу и друзьямъ, онъ первые годы, и въ разслабленномъ состояніи здоровья, оставался въ Санктпетербургѣ, переѣзжая съ трудомъ на лѣто въ свое Порѣчье. Его Императорское Величество еще разъ удостоилъ, въ день своего тезоименитства, торжественно изъявить ему Высочайшее благоволеніе свое за прежнюю службу: 6 Декабря 1850 года Графу С. С. Уварову пожалованъ былъ орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Это лестное вниманіе Монарха видимо оживило исчезавшія силы страждущаго. Онъ какъ будто располагался воспротивиться вліянію климата, и занялся устроеніемъ для себя дома въ Санктпетербургѣ.

Любопытнѣе всего видѣть, какъ усиливался онъ продлить участіе свое въ ученыхъ занятіяхъ Академіи для сохраненія за собою мѣста писателя. Въ 1850 году, лѣтомъ, изъ Порѣчья онъ прислалъ сочиненную имъ на Французскомъ языкѣ академическую Записку «Объ исторической достовѣрности» при слѣдующемъ письмѣ къ Непремѣнному Секретарю: «Во время пребыванія моего въ деревнѣ, посреди отдохновенія, необходимаго для разстроеннаго моего здоровья, я искалъ отрады въ забавахъ ума. Въ слѣдствіе того составилась небольшая Записка о вопросѣ, занимающемъ всѣхъ. Я прошу васъ представить въ общее собраніе этотъ трудъ, какъ слабую дань всегдашней моей привязанности къ Академіи и неизмѣнной преданности умственнымъ занятіямъ, которыя то веселили, то утѣшали меня въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, не утративъ ничего изъ благотворнаго своего вліянія.» Самая Записка, при всей кажущейся странности основной мысли, возбуждаетъ сильное вниманіе къ вопросу и заставляетъ читателя предаться собственному изслѣдованію о томъ же предметѣ, чѣмъ немногія изъ литературныхъ произведеній всегда похвалиться могутъ.

Записка, подъ названіемъ: «Литературныя Воспоминанія», составлена здѣсь, зимою 1851 года, и напечатана въ Современникѣ. Кромѣ любопытныхъ указаній на домашнюю жизнь, нравы и отношенія писателей Русскихъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, она разрѣшаетъ вопросъ касательно вліянія частныхъ литературныхъ обществъ на развитіе и успѣхи языка и самое процвѣтаніе словесности. Въ томъ же году, въ Порѣчьѣ, обработана на Французскомъ языкѣ Записка для Академіи, читанная въ ея собраніи 10 Октября. Сочиненіе это посвящено археологическому изслѣдованію драгоцѣннаго остатка древней скульптуры, пріобрѣтеннаго Графомъ С. С. Уваровымъ въ Римѣ и сохраняющагося теперь въ Порѣчьѣ. Лучшія ипотезы этой Записки приводятъ на память его же взглядъ на Греческія древности въ Элевзинскихъ таинствахъ. Послѣдняя изъ напечатанныхъ его Записокъ, составленная тоже на Французскомъ языкѣ для Академіи, въ собраніи которой читана 6 Февраля 1852 года, содержитъ воспоминанія Президента объ Академикахъ Френѣ и Грефе, незадолго передъ тѣмъ скончавшихся.

Исчисленіе ученыхъ трудовъ Графа С. С. Уварова и самая краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ, что, въ другомъ отношеніи къ свѣту, при другихъ обстоятельствахъ жизни и службы, онъ дѣйствительно могъ бы посвятить всего себя занятіямъ собственно ученаго человѣка: ему досталось все, чего требуетъ кабинетная жизнь, кромѣ постоянной любви къ уединенію и къ трудамъ продолжительнымъ. Но онъ успѣлъ высокому своему сану придать неизмѣнное украшеніе блестящаго писателя. Это двойственное его значеніе, можетъ быть, болѣе всего помогло ему принести столько пользы и столько славы Академіи.

Въ послѣдніе годы жизни своей онъ уже не возвращался въ Санктпетербургъ, удерживаемый недугами то въ Москвѣ, то въ Порѣчьѣ. Незадолго до кончины, въ воспоминаніе счастливыхъ лѣтъ юности своей и дружескихъ связей съ лучшими нашими писателями, онъ украсилъ сельское свое мѣстопребываніе прекраснымъ памятникомъ Жуковскому. Такъ прошло время до 1855 года. Въ Январѣ онъ еще утѣшенъ былъ посѣщеніемъ нѣкоторыхъ Академиковъ и Профессоровъ здѣшняго Универси-

тета, прибывшихъ на празднованіе столѣтія Университета Московскаго. Въ послѣдній разъ, въ качествѣ Президента, подписалъ онъ свое имя на адресѣ, поднесенномъ Университету отъ Академіи Наукъ. Онъ дожилъ до Сентября, тяжко памятнаго для него мѣсяца, и 4-го числа, въ Москвѣ, въ наемномъ домѣ, скончался тихо.

Академія, исполненная признательности и глубокаго уваженія къ Президенту, ничѣмъ не можетъ торжественнѣе и достойнѣе почтить его память, какъ вѣрнымъ сохраненіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ онъ стремился утвердить просвѣщеніе въ Россіи.

20 Декабря. 1855.
Санктпетербургъ.

2007043286